

Наташа Солей

РУБЛЕВКА
LOVE

ХОД
КОРБЮЗЬЕ
ИЛИ
ШЕРШЕ
БЛЯ FEMME

СЕРТИФИКАТ

Наталья Солей

Ход Корбюзье, или Шерше бя femme

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165608

Ход Корбюзье, или Шерше бя femme: Центрполиграф; 2008

ISBN 978-5-9524-3235-2

Аннотация

Таинственным образом переплетаются судьбы известного французского архитектора Корбюзье и успешного московского дизайнера. Прошлое опального гения и настоящее кумира рублевской элиты сходятся в одной точке, и эта точка — любовь. Одновременно раскрываются зловещие подробности из жизни широко известной медиаперсоны, которая оказывается аферисткой, помешанной на деньгах и славе.

Наталья Солей сумела так перемешать правду и вымысел, что проще поверить во все написанное. Тем более что многие персонажи, скрытые под «масками», очень легко угадываются.

Содержание

Медийное лицо	4
Сирень в декабре	21
1928 год	36
Дежавю	40
Корбю	48
Чай с... Корбюзье	54
Мастерская Весниных	61
Знакомство с банкиром	68
1933 год	78
Затянувшаяся встреча	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Наталья Солей

Ход Корбюзье, или Шерше бя femme

*Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.*

Б. Пастернак

Медийное лицо

Тихая музыка, бесшумное скольжение официантов, легкий полумрак, смягчающий черты и выражения лиц людей, небольшими группками размывающих пустоту самого модного в текущем сезоне ресторана, определили выбор Андрея Павлова. Сегодня была его очередь «выгуливать» бывших одноклассников.

Эти вылазки четырех друзей как-то незаметно стали традиционными. Со времени окончания школы прошло пятнадцать лет. Вроде бы могли и разойтись пути, но нет. Такого не произошло.

Правда, поначалу они, как положено, все же разошлись. Совместного бизнеса не заводили, у каждого была своя про-

грамма и свой персональный маршрут. Что замечательно, по-разному, но все четверо пришли-таки к определенному благосостоянию и абсолютной удовлетворенности жизнью. И вот тогда...

Это было лет шесть назад, когда Пашка Отвагин взял и разыскал бывших мушкетеров, устроив отменный пятничный обед. Встретились, хорошо посидели, поболтали и решили устраивать такие сходки – ну, хотя бы раз в месяц. Просто так. Без разговоров о бизнесе – у всех он разный, как судьбы. О жизни поболтать, чтобы не терять друг друга, поддерживать связь, одним словом. Мало ли, когда-нибудь эти детские связи и сработают. Пока же можно просто вкусно поесть под разговор о необходимости серьезно заняться спортом.

Зимой вечерает рано, и в «Галерее», несмотря на темноту за окнами, народу было совсем мало. После семи сюда не пробьешься, а в четыре часа общайся хоть лежа. Дружья со знанием дела принялись изучать меню, разрываясь между итальянской кухней и японской. Наконец все определились: закуски, салаты, каре барашка, лангусты в тесте... Обсуждали, кто куда поедет на рождественские каникулы. Через месяц Новый год – надо что-то придумать.

Они даже не заметили, как за соседним столиком расположились две дамы в черном. Обе блондинки и при этом абсолютно не похожи друг на друга, как японка и африканка. Первая дама элегантною простотой Шанель и особой

европейской промытостью никак не останавливала на себе взгляд. Но зато вторая, при том же окрасе, заставляла посмотреть на себя даже ленивого.

Они сидели на угловом диване за низким стеклянным столиком. Та, которая поярче, – визави к соседнему столику, могла наблюдать трапезу четверых друзей. Но казалось, этой возможностью она не собиралась воспользоваться, лишь милостиво позволяя соседям лицезреть свою персону.

Посмотреть было на что. Красивые стройные ноги, обтянутые высокими сапогами на огромных каблуках, притягивали взгляд, который затем неизбежно поднимался к необъятной груди, туго обтянутой изящной блузкой, причем половина пуговиц была расстегнута, прикрытым оставалось лишь самое сокровенное, заставляя созерцателя задаваться вопросом: как же такая роскошь выглядит при полном обнажении? Дама с утра явно побывала у стилиста, попросту говоря, у парикмахера. В результате ее весьма милое личико обрамляла искусно сделанная прическа с множеством куделяшек, окончательно довершая образ порочного ангела.

Ангела звали революционно броско – Татьяна Троцкая. Помимо прочих достоинств, она обладала, что называется, «медийным лицом» – другими словами, известным по мельканию на телеэкране. Дама не была ни известной актрисой, ни телеведущей, но постоянно принимала участие во всяких ток-шоу, будучи крупным экспертом по тяжелой жизни красивых блондинок в жестоком мире мужчин. Поэтому трудно

было понять, чем конкретно она занимается, но у каждого человека при взгляде на нее возникало смутное ощущение – где-то я ее видел!

Строго подозвав официанта, она сообщила, что ей здесь надо поработать – дать интервью. Музыку надо убрать, ей принести чай, журналистке, которая интервью будет брать, – тоже...

– Вам чай, кофе?

– Капучино, – коротко сказала спутница, пожалев официанта и дав ему возможность ускользнуть от энергичного напора Троцкой.

– Мы все сделаем за два-три дня. Я наговорю всю свою историю, и к тому же у меня еще есть куча разных советов, как быть красивой и выходить замуж, если уж вы считаете, что просто рассказа обо мне будет недостаточно для объема, – сразу взяв быка за рога, начала Татьяна. Говорила она громко, с посылом, как на трибуне, оповещая окружающих, что она не какая-нибудь там обычная блондинка! Она – девушка, дающая интервью!

Впрочем, публика никак не реагировала на столь яркое явление, и это подстегнуло Троцкую говорить все громче, быстрее и с отчетливо деловой интонацией.

Ее спутница по имени Саша Алябьева заняла созерцательную позицию. Она только спросила:

– Вы считаете, что можно сделать книгу из трех интервью? Но Троцкая уже начала тараторить, что называется, «бе-

лым звуком»:

– Так, главное. Начнем с того, что я очень увлекаюсь цветом, его сочетаниями и оттенками. Есть цвета ваши и не ваши. Вопрос в том, к какому цветовому типу вы относитесь. Когда вы носите ваши цвета, вы можете визуально сократить количество морщин, дефекты кожи и, что самое главное, вы можете лет на десять зрительно сократить свой возраст. И это достигается всего-навсего правильно выбранным цветом одежды.

– Об этом американка Христель Бушель уже написала книгу «Какой цвет вам к лицу».

– Вот и отлично. Основные положения можно взять у нее. Фамилию упоминать не надо. Кто там что будет выяснять! Главное – собрать побольше ценных советов. Когда молодые девушки получают эти советы от меня, они будут им следовать. Каждой хочется добиться того, чего добилась я в своей жизни!

Этот тезис Троцкая заимствовала у Дуси Кошак, которая, как стало известно Татьяне, придумала выпустить книгу «Штучки-дрючки от Кошак». И правильно, грех не выпустить, будучи популярнейшей ведущей бесконечного реалити-шоу. Юные барышни, как пирожки в голодное время, будут расхватывать ее советы – полагая, что, прочитав их, смогут добиться того же, что имеет Дуся – родившаяся в избранной семье, выучившаяся в самом престижном вузе, не имеющая никакого стеснения в средствах. Ход просчитан очень

правильно и точно.

Для нестареющей Троцкой молоденькая Дуся Кошак была таким же эталоном и образцом для подражания, как дочка миллионера Вандербильда для Элочки-людоедки из «Двенадцати стульев». Только соперничество шло не на уровне горжетки из шанхайского барса и золотого ситечка, бери выше – у кого больше интервью и упоминаний в прессе, а теперь уже и книг! Правда, Дуся даже не подозревала, в какой острой конкурентной борьбе ей приходится участвовать, но это не снижало активности противостоящей стороны.

Прознав про «Штучки-дрючки», Троцкая тоже загорелась идеей писательской карьеры. Она нашла соавтора, журналистку из глянцевого журнала, с которой они не раз общались, и уговорила ее поработать вместе. Другими словами, написать книгу за нее.

А Саша Алябьева и так уже устала от бесконечных интервью с Троцкой, которые почему-то все время хотел видеть в журнале главный редактор, на самом деле ориентирующийся на молодых красавцев... От работы над книгой Саша отказывалась наотрез – однако Троцкая обладала хваткой бультерьера. Если она выбрала жертву, то та в конце концов сдавалась на милость победителя, по принципу, что легче отдаться, чем объяснить, что этого не хочешь. Со стихийным бедствием бороться невозможно.

Работа есть работа, и не всегда она приносит удовольствие, философски рассудила Саша, соглашаясь на предло-

жение Троцкой. В глубине души журналистка наивно надеялась, что сам процесс работы окажется более или менее интересным. Этого не случилось, но договор в издательстве уже был заключен, так что пришлось что-то все-таки делать. Тот вечер в «Галерее» и стал одним из основных этапов их как бы совместного творчества.

– Если фамилии не упоминать, то такую книгу и за два дня собрать можно. Рассказывайте, чего именно вы добились? На чем акцент будем делать? – обреченно спросила Саша.

– Конечно, на том, что я была звездой реалити-шоу во Франции. Первая русская! Правда, я вылетела через две недели, но этого времени мне хватило. Меня там обожали.

– А покинули шоу вы по решению зрителей?

– Да это не важно. Я и сама хотела уйти...

– Почему? Если обожали зрители, то зачем уходить? С участниками не смогли найти общий язык?

– Да, с участниками не очень сложилось. Они там все ходили как чмошники какие-то. Я же выглядела с утра на все сто. При полном макияже, всегда очень изящно одета. Не позволяла себе ходить, как пацан, в майках.

– На каблуках, конечно?

– Да, и на каблуках. Для них это дико, а я считаю, что в женщине все настроено на то, чтобы нравиться, быть привлекательной и сексуальной. После шоу я сразу же поехала на Каннский фестиваль. Я же и в кино снималась.

– Я не видела этого фильма, он был в конкурсной про-

грамме?

– В конкурсной? Да это же не важно – был фильм в конкурсе или нет. Меня там встречали как настоящую звезду. Лимузины, шикарные апартаменты. И вот я иду по знаменитой лестнице Каннского кинофестиваля, а кругом фотографы, просто люди выкрикивают мое имя... Передо мной шел Шварценеггер, но он такого успеха не имел. Причем знаете, внизу стоял Максим Петраков, и на него ну никто внимания не обращал. Ведь все возвращается. За год до этого он отказался дать мне интервью. В Каннах я взяла реванш. Он там стоит внизу, в толпе, а я иду – во вспышках фотокамер. О-о-о! Это был мой настоящий звездный час.

– Это был 57-й фестиваль?

– Ой, номер я не помню. В прошлом году какой там был номер?

– А может, не будем про Петракова? Как раз в том году он мог и постоять в толпе, но в толпе членов жюри конкурса дебютов «Золотая камера». Он же был председателем этого жюри.

– Ну, это ведь не главный конкурс. Да какая разница – председатель или кто там... Я должна сказать, что к русским в Каннах относятся весьма пренебрежительно.

– За исключением вас, надеюсь?

– Вы, Саша, напрасно иронизируете. Да, ко мне прекрасно относятся. И я вам скажу, что зря вы защищаете Петракова, судя о нем с экрана телевизора. В личном общении он

ужасный человек.

– Возможно, это зависит от того, с кем он общается. Не у всех такое мнение.

– Вы не общались и не знаете.

– Общалась и знаю. Делала с ним интервью. Он, надо сказать, очень добросовестно к этому интервью отнесся. И впечатления у меня от общения самые лучшие.

– Ладно интервью, а вот мой близкий приятель мне рассказывал, что Петраков обивал его пороги и даже ждал в приемной, когда искал денег на свой фильм. Потом получил миллион – и все! При встрече прошел мимо и даже не заметил человека, который дал ему миллион долларов.

– В масштабах фильма это не такие большие деньги. А человек этот что, за миллион покупал дружбу Петракова?

– Саша, вы не возвращаетесь в тех кругах, где бываю я. В среде олигархов, с которыми я дружу, у Макса Петракова плохая репутация.

– Но тем не менее они оскорбляются на то, что он не кидается им на шею при каждой встрече. Это недовольство Каштанок, облаивающих элитного бурбуля. Мы действительно с вами по разные стороны баррикад. Все понятно. Петраков стал каким-то тестом на зависть. Почему-то многим кажется, что, если они хоть легонько сумеют его лягнуть, их акции резко поползут вверх. Правда, до того как начать лягать, они из всех сил стараются завести с ним дружбу, стать поближе.

– Я его не лягаю. Мне просто не нравятся такие люди.

– Видимо, это взаимно. Я всего лишь хотела, простите, предостеречь вас от идиотизма. Зачем подставлять себя и выглядеть смешно? Этот рассказ о «звездном часе», когда Канны вас приветствуют восторженными криками, а Петракова даже не пускают на лестницу, где только что прошли вы, – он нелеп. Человек, который так говорит, признается в своей недалекости, поверхностности и попросту зависти.

– Я завидую? Да чему там завидовать?

– Есть чему. Происхождению, образованию, таланту, да мало ли... Ой, ладно, это бесконечный разговор. Не хотите прислушиваться к моим советам – не вопрос. Короче, говорите что хотите. Пусть будет так. Двухнедельное участие в реалити-шоу ценнее таланта и профессионального мастерства. Я под всем этим могу просто не подписываться. Давайте, что у вас там есть из советов. Времени-то у нас всего три дня. В общем-то достаточно, чтобы понять ваши приоритеты, под которые надо будет подогнать объем. Что-то у вас есть помимо того, что уже изложено у Христель Бушель?

– Нет, ну я добавлю свои наблюдения. Вот обязательно должно быть сказано об одном очень важном аспекте. У каждого цвета есть своя психология, свой смысл, свое значение. Ну, представьте, если женщина одевается в ярко-красный цвет, а это цвет сексуально привлекательный, то, значит, она хочет недвусмысленно дать понять окружающим свой настрой... Вот фиолетовый цвет, как это ни странно, не любят мужчины. И он немножко старит. Фиолетовый обычно

нравится пожилым матронам. Клетка – очень домашний рисунок, поэтому, если, отправляясь на свидание, вы хотите выглядеть сексуально, желая поразить вашу жертву, постарайтесь клетку не надевать. А также избегайте серого, бежевого и коричневого.

– Я не поняла, а какой у нас адрес? Кому вы советы даете?

– Девушкам четырнадцати – пятнадцати лет. Кстати, удивительный цвет розовый – он очень молодит.

– Для девочек четырнадцати – пятнадцати лет очень важно, чтобы молодило, – не удержалась от замечания Алябьева. Иногда общение с Троцкой ее даже забавляло. Собеседника та не слушала вообще, язвительность в свой адрес игнорировала, а потому спокойно продолжала:

– Самый нарядный цвет – это черный. Я как-то у Славы Зайкина спросила: «Какой ваш самый любимый цвет?»

– Будем о Зайкине писать? – поинтересовалась Алябьева.

– Нет, конечно, но я хочу, чтобы все известные люди, с которыми я общалась, были отражены. Так вот, он ответил: «Конечно черный, самый торжественный». Поэтому сейчас на Западе все ходят сплошь в черном.

– Значит, это по рекомендации Зайкина произошло?

– Саша, не цепляйтесь к словам. Ну, вы там как-нибудь это сформулируйте. Главное в том, что опять же, если черный не подходит к вашему типу внешности, наденьте к нему апельсиновый или лососевый шарфик или что угодно. Добавьте цвет, подходящий к лицу, и пожалуйста – носите чер-

ное. А вечером уже можно ничего не добавлять. Электрическое освещение очень сильно корректирует ваш естественный цвет. Поэтому вечером уместно интенсивнее гримироваться. Есть цвета, которых у меня в гардеробе абсолютно нет, потому что они просто убивают женщину, – например, серый. А есть цвета, которые я настоятельно рекомендую девочкам постепенно собирать. Это прежде всего розовый и красный, потому что они дают энергию и сексуально притягивают мужчин. На которых вообще цвет влияет просто невероятно...

– Очень интересные европейские наблюдения, – уныло заметила журналистка. – А что еще мужчин привлекает в женщине, на ваш взгляд?

– Я считаю, что женщина должна быть красивой и сексуальной. Вообще, мужчины на самом деле очень примитивные создания. Если их опросить, то окажется, что им нравится высокий каблук, красивые ножки в капроновых чулках, желательно черных, юбочка покороче, маленькое облегающее платье. Они хотят видеть женщину. И ее сексуальную привлекательность. Они не любят, чтобы было там все намотано, завернуто до такой степени, что и не определишь, где она там, эта женщина?

– Что еще надо, чтобы нравиться?

– Конечно, длинные волосы, обязательно немного завитые, желательно блондинистого цвета, красные ногти на руках, черные глазки, красные губки. Вот что любят мужчи-

ны, что бы кто ни говорил. Именно это сексуально привлекательно. У них это в генах.

– И поэтому именно в таком виде стоят девочки вокруг Булонского леса и на Тверской? – По всей видимости, у журналистки уже стало кончаться терпение.

– Именно. Я надеюсь, понятно, что я не рекомендую всем раскрашиваться подобным образом, я это говорю к тому, что у мужчин генетически сложился стереотип сексуальности, потому-то девочки вокруг Булонского леса никогда не останутся без работы. Всякие унисексы, черные ногти, татуировки и прочее – это другая крайность, к тому же еще и сексуально отталкивающая. Ко всему прочему мужчины жутко консервативны и очень необразованны во всяких новых тенденциях моды, в коллекциях известных марок. Им лишь бы было сексуально, лишь бы было красиво и женственно. А дальше – это платье от Дольче с Габаной, Гуччи, Кавалли или вы сами его сшили сегодня ночью – они вообще не замечают, поверьте мне. Не будете же вы выворачивать это платье наизнанку, чтобы он этикетку прочитал. По барабану ему, сколько денег нужно, чтобы женщина была красивой. А красивой женщина может себя сделать очень недорого. Поверьте мне. Тут важнее вкус, чем кошелек.

– Дешевая – потому и сердитая, – почему-то вспомнив шутку Николая Фоменко, резюмировала журналистка, но тут Троцкая, прервав саму себя на полуслове, стала громко возмущаться:

– Нет, ну это невозможно. Я совершенно не могу так работать. Мне надо думать, мне надо сосредоточиться, а они меня сбивают.

– Кто? – не сразу поняла Саша Алябьева.

– Да эти мужчины за соседним столом, они так громко разговаривают, что забивают мой голос. Я уверена, что даже на диктофоне будут слышны только их голоса.

– Это не страшно. Общие направления нашей беседы я и без диктофона запомню.

– Нет, это невозможно. Это просто ужас, – продолжала возмущаться Татьяна.

Мужчины за соседним столом были увлечены своей захватывающей беседой и до сих пор никак не реагировали на неотразимость Троцкой. Но тут они все-таки почувствовали явное недовольство со стороны деловитой блондинки. Самый общительный из них, Паша Отвагин, аккумулировав все свое обаяние, повернулся в сторону источника возмущения.

– Да-да, я о вас говорю. Я даю интервью, а разговаривать абсолютно невозможно. Потому что вы меня совершенно заглушаете. Я сама себя не слышу, – накинулась на Пашу блондинка.

– Не вопрос. Слово женщины – закон. Будем говорить тише. А что вы так скромно? Ничего не заказали... – Он знаком подозвал официанта. – Два бокала вина, пожалуйста, для дам. Мы готовы искупить свою вину.

– Я не пью и не курю, – гордо заявила Татьяна. – И никому

не советую. Я пропагандирую здоровый образ жизни. Саша, а вы выпейте.

– Я не хочу, спасибо. – Саша почувствовала неловкость за навязчивость своей собеседницы.

Не тут-то было. Для того чтобы продолжить завязавшийся диалог, Троцкой было необходимо под каким-то предлогом принять этот бокал вина. Она-то ведь уже декларировала свое пристрастие к здоровому образу жизни, но вино должно быть выпито. Паша, в свою очередь, не хотел оказаться чем-то обязанным скандальной соседке, и для него тоже было важно, чтобы этот несчастный бокал был обязательно кем-то принят.

Помня, что в общении с Троцкой проще согласиться, чем объяснить, как не хочется этого делать, Саша сдалась. Однако соседний столик не унимался, тут же сказали, что к вину необходима закуска, что надо заказать хотя бы салат, ну, на крайний случай – десерт. Здесь удивительное тирамису. Такого тирамису нигде в Москве не найдешь.

Торг шел минут пять. За это время Троцкая оповестила новых знакомых, что она известная журналистка, писательница, актриса и жительница Парижа. И что она не какая-нибудь там девушка, зарабатывающая своим телом, каких они привыкли видеть в «Галерее». Она мыслящая блондинка.

За соседним столиком стали объяснять, что они сюда совсем не за телами ходят. У них совсем другие задачи. И кстати сказать, здесь приличное место, да и вообще – порядоч-

ностью может похвалиться не только парижанка, московские барышни тоже не все подряд стоят вдоль Ленинградского проспекта.

Когда принесли тирамису и вино, оба столика уже многое выяснили друг о друге. Татьяна вкратце сообщила, что она очень популярна во Франции, снималась в кино и на обложки журналов и что ее постеры висели в парижском метро, а в ближайшее время ее слава накроет и всю Россию.

Кроме того, она тут же успела докопаться и до того, чем занимаются соседи. Выяснила, что Андрей Павлов – банкир. Правда, Саша Сиваков и Сева Мильман о роде своей деятельности ей не сообщили. Но зато общительный Паша Отвагин оказался каким-то очень серьезным то ли продюсером, то ли инвестором в области шоу-бизнеса или кино, а может, и того и другого, вместе взятого.

Это Татьяне было уже интересно. Она тут же заявила, что тоже очень успешно занимается продюсированием, причем как в России, так и во Франции, а к концу десерта взяла у всех четверых друзей номера телефонов. После этого она сообщила Саше, что они все-таки сумели очень продуктивно поработать, и заторопилась.

– У меня же здесь сегодня еще ужин с Дусей Кошак и Лерой Мангой. Надо уже начинать пиарить нашу книгу.

– Это важно, конечно. Я так понимаю, что основную часть нашей совместной работы мы сегодня и провели? – с издевкой спросила Алябьева.

– Давайте еще завтра встретимся, – сказала Татьяна, вставая из-за столика. Ее уже явно заботила новая встреча – с телевизионными звездами.

– Нам и сегодняшней беседы по ноздри хватит – на две книги. Я подожду счет.

– Да что за глупости! Какой счет? Они за все заплатят. Пойдем скорее отсюда! – И Троцкая обратилась к новым знакомым, которые опять как-то отвлеклись от ее красоты: – Мы торопимся. Была необычайно рада познакомиться. До связи. Я обязательно позвоню.

«Лучше действительно скорее уйти, – подумала Саша. – В конце концов, если люди позволяют, чтобы их использовали, значит, им так нравится. Теперь Троцкая возьмет их в разработку. Ну да это их проблемы, хотя нарваться на неприятности – нарвутся. Мешать не буду. Как говорят англичане, в Риме надо быть римлянином, – и это правильно».

Вслух она лишь обронила, что было на редкость приятно познакомиться со всеми собравшимися.

Сирень в декабре

«Лучше бы я этого не пробовал, – сокрушенно подумал про себя Владимир, пригубив бокал с шампанским, в котором плавал кусочек ананаса. – Вот точно, чтобы избежать разочарований, не надо поддаваться иллюзиям. А ведь как звучит: „Ананасы в шампанском“! На деле же ничего особенного».

Он огляделся, куда бы пристроить недопитый бокал. «Шампанское надо бы в лилии...» Но это было бы очень уж экстравагантно.

По случаю оригинальности напитка были закуплены фужеры конусовидной формы, те самые, которые когда-то придумала маркиза де Помпадур. Она была уверена, что эти бокалы напоминают форму ее груди. О маркизе и ее бюсте все давно забыли, а вот для «ананасов в шампанском» емкости подошли в самый раз.

«Все-таки редкая гадость получилась. Вкуснее было бы – „клубника в шампанском“! Но нет, такое уже было и навело бы всех на очень уж фривольные ассоциации», – вздохнул про себя Владимир, разглядывая вполне довольные лица тусующейся публики, которая оживленно болтала и угощалась омарами, жареными рябчиками, стерлядью из Шексны и тарталетками с паюсной икрой.

Все названия блюд были собраны из стихов любимого Ша-

пошниковым поэта Игоря Северянина. Все, как хотел великий выдумщик Серебряного века, – ананасы в шампанском, мороженое из сирени и фисташек, взбитые сливки с тертыми каштанами, фиалковый ликер, сабли в кувшинах.

Гений Игорь Северянин любил слова: фешенебельный, комфортабельный, пикантный... Вся жизнь – в веерах, шампанском, ресторанах, бриллиантах. И весь он в каждом своем слове такой остроумный, кокетливо-пикантный, жеманный, жантильный, весь пропитанный воздухом бара, журфикса, кабаре, скетинг-ринка... Даже стул он называл не стулом, а плиантом, «молнию» – эклером, а русскую народную песню озаглавил *Chanson Russe*. А теперь радио такое есть... Фиоль, шале, буше, офлёрить, эксцессерка, грезёрка, сюрпризёрка... Сколько новых слов! Но больше всего Владимира забавляло, что Северянин придумал слово «бездарь». И как до него жили без этого слова! Представить невозможно.

Короче, для создания образа шикарной жизни, которая невозможна без топ-дизайна и презентации мебели – а мебель эту будет продавать его, Шапошникова, топ-салон, – Северянин оказался как нельзя кстати. Мороженое приготовили, конечно, не из сирени. Заменили обычной черной смородиной, а выглядит очень декадансно. Впрочем, натуральная сирень тоже есть, расставлена по всем вазам, где только можно было ее пристроить. Несмотря на то что на дворе декабрь – сумели-таки раздобыть.

На самом входе гостей буквально сбивал с ног неожидан-

ный запах огромного сиреневого букета. Этот букет множил-ся, отражаясь в массивном зеркале и в стеклянных дверях, за которыми смурнела декабрьская непогода.

Во всей этой атмосфере фиолетово-сиреневого транса известный, очень модный и супервостребованный архитектор проводил презентацию своего нового мебельного салона топ-дизайна под названием «Эспри нуво». Поначалу он категорически не хотел ничего устраивать. Для кого? Ну, придут журналисты, которые его терпеть не могут, коллеги, которые либо презирают и не принимают его как архитектора, либо просто завидуют и, соответственно, тоже ненавидят. Тем не менее всем им надо улыбаться, как-то развлекать их, кормить, а главное – удивлять. Сейчас все пристрастились делать настоящие шоу, а шоу-то надо сочинять. Это же натуральный рак мозга!

Сравнительно недавно он побывал на семилетней годовщине одного модного мебельного салона. Чего там только не придумали: гости вечеринки могли рассмотреть инструменты мебельных виртуозов, оценить знаменитое качество кожи фирмы De Sede и даже наблюдать, как появляется на свет ее роскошная мебель. Белое кожаное кресло из последней коллекции фирмы, доделанное на глазах публики мастером Питером Денцем, в течение вечера служило тронem для хозяйки салона, а потом стало призом на конкурсе, проведенном среди присутствующих. Предлагалось угадать площадь огромной алой шкуры, висящей на стене салона. В резуль-

тате светская хроника потом писала: «Естественно, лучше всех с заданием справился профессионал – счастливым обладателем объекта мебельного искусства стал известный архитектор Владимир Шапошников». Тогда он и сам удивился тому, что сумел отгадать на глаз размер шкуры с точностью до миллиметра. Это запомнилось всем.

В своем салоне Владимир планировал продавать не только мебель известных фирм, но и мебель авторскую, созданную по его собственным эскизам. Она уже изготавливается в Америке, но это полдела, сначала покупатели должны привыкнуть к тому, что вот, на Якиманке открылся новый мебельный салон, что он такой классный, что в нем все топ и еще раз топ, топ, топ... Примерно через год можно будет шумиху поднимать, а сейчас особого повода нет – да и вообще! Понятно, журналисты, коллеги, ничего хорошего.

Однако маркетологи нового салона убедили его, что презентация необходима, – таковы правила игры. Ее стоит проводить, чтобы обозначить точку отсчета. Хочешь не хочешь, а веселиться надо.

И тогда Володя решил, что просто устроит праздник на свой вкус. Признанный Версаче Рублевки, король новорусского китча и дворцового стиля, дизайнер, у которого всегда много-много мрамора, а там, где заканчивается мрамор, начинается еще больше золота, он решил сделать вечер в стиле ар-деко, к которому тяготел больше всего. К сожалению, в силу своей изысканности такой стиль мало востребован те-

ми, для кого Шапошников строил дома, и проявить себя в этом стиле у архитектора не было практически никакой возможности.

Владимир обожал не только ар деко, но и время, его породившее. Ему вообще казалось, что он опоздал родиться и должен был жить тогда, в начале прошлого века, в двадцатых – тридцатых годах в Париже, танцевать на вечеринках Коко Шанель, общаться с Бенуа, с Корбюзье. Ну, было тогда с кем пообщаться, что и говорить! Он просто-таки на клеточном уровне осязал то время в гамме встревоженных сумерек, окутанных лилово-сиреневой дымкой картин Врубеля, глядя на сирень Кончаловского. Изысканный излом линий модерна и ар-деко, поэзия Серебряного века – все это приводило его в состояние удивительной душевной гармонии. Правда, разделить это настроение было не с кем. Разве может навеять что-то подобное современный женский образ!

В шумном платье муаровом, в шумном платье
муаровом —

Вы такая эстетная, вы такая бутончатая.
Властелинша планеты голубых антилоп!

Хотя, если подумать, в начале прошлого века тоже ведь были всякие революционерки, суфражистки, анархистки, террористки, феминистки, выдвиженки из деревни. А он им, несмотря ни на что, – ляпс, и выдает:

...В желтой гостиной с обивкой шелковой
Я целую впервые замшу ваших перчат...

Сколько тут иронии, шарма, недосказанности... Настроение как счастье, оно не зависит от внешних причин, это ведь внутреннее состояние.

В общем, Володя сделал презентацию для собственного удовольствия. И всем понравилось.

Правда, его почему-то никто так и не спросил, а почему такое название – «Эспри нуво». Видимо, решили, что это модная мебельная марка, которую он здесь будет продавать. Или все помнят о знаменитом выставочном павильоне Ле Корбюзье – и что спрашивать, если знаешь?

Корбюзье для Шапошникова давно был своеобразным талисманом, необъяснимой рифмой ко всем его, подчас каким-то совершенно неожиданным для окружающих ходам. Одним словом, долго пришлось бы объяснять пиарщикам, почему он так назвал свой магазин. Захотелось, и все тут... Они, пиарщики, что-то лопотали про «формат», про то, что люди не любят всякой там зауми, исторических экскурсов...

– Не любят, потому что им не предлагают, – на корню оборвав дискуссию, резюмировал Владимир. – Если не любите вы, то не надо расписываться за весь белый свет. Магазин будет называться «Эспри нуво», а презентацию будем проводить в стиле ар-деко, и чтобы были стихи Северянина. Кстати, Корбюзье под конец жизни пришел к выводу, что все его

искания, все его чувства сводятся к одному, к главному в жизни – к поэзии. Короче, работайте и не донимайте меня своим идиотским «форматом». А то вообще будете сочинять презентацию в стиле Велемира Хлебникова и вовсе голову сломаете.

В общем, Северянин пошел за милую душу. Во всяком случае, его кулинарные изыски явно были оценены по достоинству. В чем маркетологи оказались правы, так это в том, что уговорили его все-таки провести презентацию.

К ней готовились, придумывали, чтобы было все утонченно и необычно. Дамам подарили мундштуки, которые те тут же опробовали. Этот маленький штрих сразу же придал атмосфере, напоенной запахом дорогих духов и сигар, налет легкого декаданса начала прошлого века. Горели свечи на столах, повсюду сновали сосредоточенные официанты. Пианист играл Массне, чьи живые аккорды очень плавно переходили в записи Вертинского, а потом и Высоцкого, которого Шапошников боготворил с четырнадцати лет. Он собрал все мыслимые и немыслимые записи, среди которых был и Вертинский: «...Лиловый негр вам подавал манто...»

Неожиданно внимание Шапошникова привлекла дама средних лет. Видимо, она была одна, но чувствовала себя спокойно и уверенно. Встретившись взглядом с Владимиром, она как будто нашла именно того, кого давно искала, – и, кажется, направилась именно к нему.

Знакомы они точно не были. На журналистку дама не по-

ходила – вряд ли она может быть бесцеремонной, на потенциальную заказчицу тоже – слишком уж далека от общепринятых стереотипов. Одета просто и неброско, но элегантно и дорого, явно от Армани, кстати верного поклонника ар-деко. Что удивительно, на голове у нее была шляпка-таблетка, и при этом она не выглядела как экспонат исторического музея, а, напротив, чувствовала себя в ней так органично, что окружающие барышни определенно взяли себе на вооружение эту находку – вещицу вроде бы совсем и не модную...

Глядя на нее, Володя подумал: «Как же уместно выглядит эта дама именно здесь. Живое воплощение ар-деко. Как там у Северянина? Надо вспомнить. А, вот:

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,
Положила боа на рояль».

Да, эта дама действительно направляется именно к нему. Шапошников пошел ей навстречу. Чуть не спросив «А где же боа?», он представился, протянув ей свою визитную карточку:

– Владимир Шапошников.

– Я догадалась, – ответила дама. – К тому же я видела ваши фото в журналах. Давно с вами хотела познакомиться. Наконец представился случай. Меня зовут Ангелина Ивановна Проскурина. Вот мои координаты. – И она вручила от-

ветную визитку, словно верительную грамоту.

– Чему обязан таким вниманием? – спросил Владимир, мельком взглянув на визитку и оценив, что беседует с искусствоведом, мало того, кандидатом искусствоведения.

– Если коротко – хочу быть вашей заказчицей. Если более пространно, то сегодня я убедилась в правильности своего выбора. Вы непредсказуемы. Во-первых, конечно, название вашего салона меня просто сбило с ног. Подробнее об этом мы еще поговорим позже. Но помимо этого, кто бы мог подумать, что дизайнер с Рублевки будет угощать гостей – «удивительно вкусно, искристо, остро». Ананасами в шампанском и мороженым из сирени!

– Оно из черной смородины.

– Ну, не скромничайте. Вы, несмотря на сожаления гениального Северянина, что «гнила культура, как рокфор!», решили проявить щедрость в его же духе: «Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!» А там еще дальше, помните? Ну, вы-то, конечно, помните:

Я сливочного не имею, фисташковое все распродал...

Ах, граждане, да неужели вы требуете крем-брюле?

Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа...

Это же просто уму непостижимо. Но видимо, на самом деле пришло время «популяризировать изыски». Я-то думала, что в наше время Северянина уже никто не вспоминает!

– Вы так говорите, как будто жили с ним в одно время.

– Хотела бы жить, но опоздала чуточку. Тогда, мне кажется, было красиво, хотя были свои, очень серьезные издержки. Потом за эту красоту многим пришлось дорого заплатить. Во всяком случае, тем, кто жил в Советском Союзе.

– За все приходится платить. Современная брутальность тоже недешево многим обходится.

– Вы имеете в виду контрольный выстрел в голову?

– Я имею в виду тот момент, что если вы хотите стать моей заказчицей, то, наверное, понимаете бюджетность такого мероприятия. Особенно если это строительство дома. Обычно такими вопросами искусствоведы не занимаются. Разве что для заказчика, но я предпочитаю работать без посредников.

– Не беспокойтесь. Никаких посредников. Впрочем, вы правы. Конечно, я буду строить не на свои деньги. На зарплату, которую я получаю в научном отделе Архитектурного музея, дом не построишь. И тем не менее строить будем!

– Дом?

– Дом! Для счастья!

– Желающих строить для несчастья я не встречал. К тому же, я думаю, счастливы или несчастливы люди, которые будут жить в новом доме, – зависит от них самих, а не от архитектора.

– Ну, не скажите. Многое зависит от того, кто строит! Как говорят англичане – «Сначала мы делаем наши дома, затем дома делают нас».

– По-разному бывает. Моя практика подсказывает, что де-

лают дома именно те, кто в них живет. Знаете, в Германии мне довелось реставрировать летнюю резиденцию Бормана. Столько было странностей... Двери сами открывались, шаги в пустой комнате – и постоянное ощущение чьего-то присутствия. Представьте, архитектора, который построил этот дом, звали Мюллер, но энергетика хозяйская. О том, кто построил, никто и не вспоминает, а вот сам Борман, точнее, его фантом живет в доме по сей день.

– Вот вы сами говорите, что архитектора дома Бормана звали Мюллер, как шефа гестапо. Кто знает – а может быть, это предупреждение или подсказка какая-то была Борману? Но я имела в виду более мирный вариант. Я считаю, что хоть и косвенно, но архитектор влияет на тех, кто живет в построенном им доме. Это как с приготовлением еды. Если ее готовит злой человек, в плохом настроении, то она идет во вред тем, кто ее потом ест. И наоборот.

– А почему вы считаете, что «еда», приготовленная мной, пойдет вам на пользу? Почему ваш выбор пал на меня? Есть архитекторы более признанные архитектурным сообществом, более известные.

– Известных много, избранных – мало. Пока что мой выбор мне подсказывает интуиция. И я ей верю. Думаю, что, когда мы познакомимся поближе, вас заинтересует мое предложение. Хотя я знаю, что к вам стоит целая очередь, на два года вперед.

– Если вы согласны подождать, пожалуйста, вставайте в

эту очередь – и я к вашим услугам.

– Мне кажется, мой дом будет построен вне очереди, – со спокойным достоинством сообщила дама.

– Очень интересно. Вы меня прямо-таки заинтриговали. Уговорили, завтра я позвоню вам, и мы условимся о встрече.

– Замечательно. Жду вашего звонка. – Ангелина Ивановна не успела договорить, как к Шапошникову подлетела журналистка из журнала «Дома и люди» с наболевшей и совершенно неотложной проблемой. Пока Владимир отбивался от вопросов, новоиспеченная заказчица скрылась из вида. Хозяин вечера только успел заметить сквозь стеклянную витрину, как она села в машину и уехала.

От беседы с Ангелиной Ивановной у него осталось двоякое впечатление. С одной стороны, ему не понравилось привычное высокомерие представительницы интеллектуальной элиты по отношению к новоселам Рублевки. Ну, все только об этом и говорят – корней нет, вкуса нет, образованности нет, глубины нет, сплошные господа Журдены.

А тут вдруг апологет «новорусского китча» легко цитирует Северянина, предпочитает модерн и ар-деко и вовсе не так однозначен, как его описывают гляцевые журналы, воспевающие шикарный образ жизни московских нуворишей.

Шапошников не разделял общепринятого мнения о недалекости своих заказчиков. Он с пониманием относился к их желанию строить свои дома помпезно и качественно. Люди имеют возможность и хотят жить во дворцах, какими они

себе их представляют. Это представление не сломить – да и не надо этого делать. Они будут чувствовать себя комфортно именно в такой обстановке, соответствующей именно их представлениям о роскоши.

Да, конечно, в период первоначального накопления капитала далеко не все состоятельные люди отличают Гегеля от Бебеля, но они строят просторные дома, привлекают лучших мастеров, которые хоть и перегружают декор, как того хотят заказчики, но зато выполняют свою работу так качественно, так искусно, что все равно создается гармоничный мир архитектурного совершенства. Потом в этих домах растут дети, а вот когда они вырастут, с ними уже можно будет поговорить об изысках.

Нельзя, чтобы все образовалось сразу и сейчас. Требуется время. Терпение нужно. Это слово вообще ушло из обихода, а потому нет терпимости к людям, к чужому мнению и вкусу или даже его отсутствию. Отсюда раздражение и неприятие.

Ох уж эти искусствоведы, от души презирующие «ново-русский китч» и в то же время совершенно искренне восхищающиеся авангардным искусством. Чем оно лучше? Тем, что там требуется меньше мастерства и профессионализма? Да, он делает фарфоровые комнаты, на которые уходит по два года работы, а эксперты в области искусства отправляют на биеннале в Венецию парочку геев, которые во все время демонстрации экспозиции занимаются любовью на глазах обалдевших, несмотря на якобы европейскую свободу нра-

вов, итальянцев.

Владимир был консервативен в своих взглядах. Пиететное отношение к Ле Корбюзье, авангардисту в архитектуре, не мешало ему в целом не принимать никаких авангардистских идей. При всей любви к творческим поискам начала прошлого века он совершенно не понимал феномена успеха авангардного искусства и ничего не видел в «Черном квадрате» Малевича – кроме собственно черного квадрата.

Если это произведение и наводило его на какие-то мысли, то лишь на такие, что Малевич был очень умным и саркастичным человеком. Нарисовал квадрат на холсте и написал на нем черной краской: «Ловушка для дураков», а потом все это закрасил той же черной краской и выставил на всеобщее обозрение. И вон ведь как сработало, как будто сказку о голом короле в детстве никто не читал...

Шапошников любил порассуждать сам с собой. Приятно, знаете ли, поговорить с умным человеком. Это приводило в систему мысли. Так он обычно подходил к принятию правильного для себя решения. Чем больше он рассуждал про себя на абстрактные темы, беседуя с гипотетическим оппонентом, тем отчетливее понимал, что завтра непременно позвонит этой Ангелине Ивановне и, скорее всего, возьмется за ее проект. Все-таки интересно поработать с человеком, разбирающимся в искусстве и так скрупулезно подходящим к делу. Вот ведь – все о нем прочитала, выяснила, провела предварительную беседу о «высоком»... Как-то слишком по-

книжному, нереально, но зато интересно, определенно. Все может быть очень интересно!

1928 год

Корбюзье попросил остановить машину и вышел в утреннюю прохладу московской весны. Здание, на которое он вчера обратил внимание, но не мог разглядеть в ночной темноте, предстало перед ним во всей своей красе. Шарль Эдуар, или, как его звали друзья, неистовый Корбю, стоял на углу Сретенского бульвара и Улановского переулка, замороженно глядя на шестиэтажный дом-корабль.

Неожиданно его взгляд привлекла совершенно весенняя картинка. Он увидел, как в подъезде за чугунным кружевом ворот открылась дверь, а из нее... нет, не вышла, не выбежала, а буквально выпорхнула девушка.

– Какая красота! – пробормотал Корбю, сам еще не до конца понимая, о чем он – о доме, на который он специально приехал посмотреть, или о девушке.

Сказанное было справедливо по отношению к зданию и к девушке. То, что дом – самое красивое сооружение в Москве, Корбю уже окончательно решил для себя, и он, конечно, еще рассмотрит его во всех подробностях, ведь у него впереди столько времени! А вот девушка... Наверное, она здесь живет.

Необыкновенное чувство охватило Корбю. Это весеннее утро, ласковый ветерок, стройная фигурка девушки в креп-жоржетовом платье, эти светлые волосы, блестящие на солн-

це... Молодая зелень на деревьях бульвара, ощущение свежести, юности, радости – все вместе совершенно сбило с ног знаменитого архитектора.

Так он чувствовал, а надо сказать, интуиция никогда не обманывала маэстро.

Но он стоял далеко и не видел лица незнакомки. «Нет, я просто обязан увидеть ее поближе», – решил Корбю и быстрым, решительным шагом направился навстречу девушке.

Они поравнялись, и Корбю понял, что не ошибся. Девушка с такой грацией, с такими движениями не могла быть некрасивой. Она действительно оказалась очень пригожей, очень юной, со слегка вздернутым носиком и огромными зелеными глазами, которые просто потрясли Корбю. Он уже было открыл рот, чтобы заговорить с прекрасной незнакомкой, но она прошла мимо, скользнув по нему абсолютно спокойным взглядом. Знаменитый архитектор так и остался стоять посреди бульвара с растерянным видом.

А на что он надеялся? Понятно. Ну не могла же она с ним заговорить на улице. Это было бы даже странно. Девушка явно из хорошей семьи. Как было бы славно услышать ее голос! Впрочем, она ведь может и не знать французского. Заговори он с ней, она бы все равно ничего не поняла и, скорее всего, испугалась.

Здесь, в Москве, почему-то шарахаются от иностранцев. Ну конечно, его же предупреждали, что русские вообще всего боятся, да и его опасаются одного отпускать. Вон в маши-

не сидит ждет вечный его сопровождающий «товарищ Игнатов». Ладно бы переводчик, а то ведь и по-французски не говорит. Просто – сопровождающий. Кстати, сейчас он очень внимательно наблюдает за всем происходящим. Нельзя останавливаться и надо продолжать движение.

Корбю прошел еще несколько шагов и остановился, выбрав наиболее удобную точку, чтобы разглядеть дом-корабль. Он смотрел на шпили и окна, на неповторяющиеся эркеры, башенки, женские головки во фризах, на стеклянные купола и фонари вдоль всего фасада здания, а на глаза наплывало чудное видение, только что промелькнувшее мимо и, возможно, потерянное навсегда.

Да, действительно, счастье – это всего лишь миг, который потом вспоминаешь долгие годы. Мгновения, которые появляются ниоткуда и тут же уплывают в никуда.

Такого чувства знаменитый архитектор еще не испытывал в своей жизни.

Некоторое время Корбю неподвижно стоял, переживая эмоциональный всплеск и горечь потери, наконец, словно стряхнув с себя оцепенение, развернулся и привычным стремительным шагом направился к машине, где его терпеливо ждали водитель и товарищ Игнатов.

Знаменитый архитектор опустил на заднее сиденье авто в том же состоянии духа, что был до своей короткой прогулки, ничем не смутив своего «опекуна».

Остановка не была запланирована, а Корбюзье уже начал

понимать, что любые экспромты напрягают товарища Игнатова, тревожа его бдительность. В конце концов, сейчас они поедут на встречу с русскими коллегами. Сначала в мастерскую Весниных, а затем и к Бурову. Корбю давно ждал этого. В конце концов, главное – работа, а все остальное, какая-то там личная жизнь... Да сроду ее не было у знаменитого маэстро. Где на нее время-то взять?

Дежавю

Машина Шапошникова чуть ли не ползком пробиралась по Бульварному кольцу, останавливаясь на каждом перекрестке. Было около четырех часов дня, но на дороге творилось настоящее столпотворение. Владимира, однако, не раздражало это обстоятельство. Он любил центр Москвы, особенно вот этот околоток – Петровский, Рождественский, Сретенский бульвары...

Сколько воспоминаний связано с этими местами! В начале девяностых здесь все было иначе. Атмосфера напоминала времена Великой депрессии и сухого закона в Чикаго. Дома стояли мрачные, переулки, соединявшие бульвары с Садовым кольцом, были пустынными. Впрочем, подготовка к реконструкции шла с начала восьмидесятых. Тогда еще не появились сноровистые инвесторы и не приехали турки с югославами, но жителей уже расселили по новостройкам. Их квартиры заняли хлынувшие тогда в Москву из разных стран, ставших в одночасье заграницей, грузины, узбеки, таджики – но больше всего здесь было русских, которые стали в новых странах абсолютно никому не нужны. Среди них было много художников, артистов, режиссеров – да кто тут только не встречался! Кто мог, устраивался на работу дворником. Жили в «убитых» коммуналках, кто-то почти официально, а другие заселялись, что называется, самозахватом.

Всех объединяло единое желание – найти себя в совершенно новой жизни, непонятно куда устремившейся. Каждый был занят поисками работы, своей ниши, своих заказчиков. Жили очень трудно, но весело. Может, потому, что терять уже было нечего – все исчезло вместе с прошлой жизнью.

Шапошников прекрасно понимал состояние этих людей. Единственное, что было у него, в отличие от них, так это комната в душной коммуналке знаменитого дома Жолтовского на Смоленке.

В одночасье Владимир потерял работу. То есть она была, но практически не оплачивалась. Он работал на строительстве оборонных объектов, которые утратили свою актуальность, – из Германии выводили советские войска, содержать их было не на что, оборонные предприятия закрывались, замораживалось строительство.

Что-то необходимо было предпринимать, придумывать. И Володя придумал. Решил создать строительную бригаду и набрать в нее специалистов высокого класса, чтобы можно было выполнять самые немыслимые желания богатых заказчиков, – а они уже стали тогда появляться в Москве.

Все это напоминало пир во время чумы – начало строительства роскошных вилл для новых русских, безысходное веселье людей, умеющих что-то делать руками. Кто-то из них так и не нашел себя, спился, потерялся, но было много и таких, кто выстоял и определился в новой жизни.

Вот здесь на Петровском бульваре, в развалинах, распо-

лагалась штаб-квартира основателя русского перформанса Петлюры, так до конца и не понятого Владимиром. Тут, на пустыре за разбитыми домами, устраивались концерты пани Брони, знаменитой в те годы в среде московского андеграунда, и ее спутника жизни Владимира Ильича, очень удачно косившего под Ленина. Здесь же располагался бар-чайная, где заправлял знаменитый Петя-чайник, готовивший какие-то лечебные коктейли на травах и спирте – прекрасное средство от простуды и вообще от любых заболеваний. Большие сходки устраивались только в теплое время года, когда не было грязи и слякоти, а к Пете-чайнику можно было прийти независимо от сезона, в любое время дня и ночи, – попить чайку, покурить травку, оттянуться, забыться, привести иностранцев, чтобы могли подивиться русской экзотике.

Это место Владимиру показал знакомый художник по фамилии, вполне соответствующей времени, – Бурьян. Неглупый мужик, обо всем имеющий свое суждение, талантливый художник, но существующий по жизни действительно как трава перекасти-поле. К тридцати годам у него уже было пятеро детей, прокормить которых он, конечно, не мог. Однако судьба сжалилась над их матерью и послала ей англичанина, одного из тех, кого Митя Бурьян окунал в реалии перестройки в баре у Пети-чайника. Короче, этот англичанин увез бурьяновских жену и детей в Лондон, оплачивая биологическому отцу ежегодные встречи со своим потомством. Видимо, для того, чтобы дети никогда не сожалели о расста-

вании с московским папой.

У Бурьяна было одно очень ценное качество. Он запросто сходил с людьми, и было ощущение, что его знают все. Каждый вечер он пил, гулял у какого-нибудь художника. Тогда они все кучковались в центре, и Бурьян, как Мороз-воевода, дозором обходил владенья свои. Он перемещался из мастерской в мастерскую – от Сретенки до Лубянки, от Петровки до Цветного бульвара, потом Новокузнецкая, далее – везде...

Володя уже собрал основной костяк бригады. Недоставало резчика по дереву и художника по росписи стен. Он уже нашел первый заказ, где требовались все эти работы, к тому же надо было подобрать старинную резную мебель. Однажды, прочесывая антикварные салоны, где у Шапошникова завязались свои связи, он и встретился с Бурьяном. А тот, разумеется, был лично знаком и с обладателями мебельных раритетов.

Буквально через неделю по рекомендации Мити появились и резчик, и художник. За это время Шапошников успел обойти со своим новым приятелем многие точки, включая заведение Пети-чайника и разваленный дом в Печатниковом переулке, где расположилась целая диаспора грузинских художников. Их работы – яркие, ироничные, глубокие и неожиданные по цвету – диссонировали с убогостью их жизни. Картины и вытащили ребят из нищеты. На Володю их живопись произвела огромное впечатление – своим непо-

вторым колоритом и самобытностью. К тому же один из художников оказался специалистом по фрескам.

Резчика по дереву тоже нашли в развалинах. Он соседствовал с тенором, приехавшим из Ташкента. Певец когда-то стажировался в Ла Скала, а теперь занимался каким-то бизнесом и подкармливал соседа. А тот уже всерьез подумывал о самоубийстве, считая, что мастерство его уже больше никогда не будет востребовано.

Да, лет пятнадцать прошло с того времени. Сейчас никто и не поверит, что на месте ухоженного комплекса Комстара в какой-то покосившейся хибаре располагался «ночной клуб» Пети-чайника, а на пустыре пела тонким голосом пани Броня, танцуя с Владимиром Ильичом...

Как же все меняется в жизни, и какая она разная. Где они все: пани Броня (говорят, еще жива!), где Бурьян, другие завсегдатаи этих мест? Многие, наверное, спились, скурились... Засасывает ведь эта фиговая богема.

Наконец Владимир подъехал к нужному дому. Вот он – номер 6/1. Так это же дом-корабль «Россия». Еще один знакомец. Именно здесь, в огромной коммуналке, в комнате с грандиозным камином из малахита, жил тот самый Бурьян.

«Надо же, – усмехнулся про себя Владимир. – Видимо, не случайно о нем вспомнил. В конце концов и оказался в его доме. В его бывшем доме. Теперь все эти коммуналки расселили, квартиры куплены новыми владельцами. Москва живет новой жизнью».

Шапошников остановился неподалеку от чугунных ворот, ведущих во дворик, разрывающий дом на две части. Раньше здесь был сквозной проход в Бобров переулок, но теперь противоположные ворота закрыты, и попасть во двор можно только через калитку со стороны Сретенского бульвара. Однако припарковаться там оказалось невозможно, и Владимир поехал дальше, решив оставить машину на другой стороне бульвара, в Улановском переулке, на стоянке у своего заказчика, владельца компании, расположенной прямо напротив дома «Россия».

Времени до назначенной встречи с Ангелиной Ивановной оставалось совсем мало. Опаздывать не хотелось, и Володя поперек всех правил побежал через дорогу. Уже оказавшись на бульваре, он буквально замер на месте. Из чугунного кружева калитки в воротах дома-корабля быстро выпорхнула стройная девушка в длинном кардигане от Фенди. Порывы холодного ветра раздували темные волосы, но их тяжелый шелк тут же вновь обрамлял лицо, притягивающее взгляд строгой красотой и каким-то внутренним светом. Владимир даже остановился на мгновение.

«Какая красота! Никогда раньше таких не встречал... а может, просто не обращал внимания... Что-то в ней есть. „Лица необщим выраженьем“», – промелькнула в голове тютчевская строка.

Владимир уже был готов направиться к незнакомке. С такими девушками на улице, конечно, не заговаривают, но

вдруг произойдет чудо, и каким-то немыслимым образом она обратит внимание на простого архитектора, сраженного наповал ее – чем? – грацией, красотой, вкусом, гармонией?

Но произошло совсем другое. Пока Володя тщетно пытался подобрать нужное слово, чем же его поразила эта девушка, к ней вдруг подъехала машина. Оттуда вышел привлекательный (на взгляд Шапошникова, даже излишне привлекательный) молодой человек, одетый от Патрика Хельмана, и, торопливо открыв для барышни дверцу машины, помог ей сесть. Чудное видение тут же оказалось проглочено водоворотом движения.

Ты ко мне не вернешься: на тебе теперь бархат;
Он скрывает бескрылье утомленных плечей.
Ты ко мне не вернешься: предсказатель на картах
Погасил за целковый вспышки поздних лучей!

Услужливая память подбросила на редкость подходящие строки, но это еще больше раздосадовало нашего архитектора.

«Естественно, такая девушка не может быть одинокой. А я, как мальчишка, стою и расстраиваюсь из-за мимолетного видения. Видение прекрасно, а душа ужасна. Такое тоже может быть. Легко! Впрочем, какая бы она ни была, с этой девушкой ты больше никогда не увидишься. Надо настроиться на предстоящий разговор, Ромео! Ну надо же, сам от себя такого не ожидал. Видимо, старею, стал сентиментальным».

С этими мыслями Володя набрал нужный код и, дождав-
шись ответа, зашел в дом.

Корбю

Шарль Эдуар Корбюзье был из тех знаменитостей, которые на самом деле интереснее своей славы. Нередко архитекторы становятся знаменитыми на склоне лет, это профессия мудрых. Знаменитый Ллойд Райт, безумно популярный в среде потенциальных заказчиков Владимира, построил тот самый вожаденный «дом над водопадом», который мечтает возвести на Среднерусской возвышенности каждый третий шапошниковский клиент, ни много ни мало в шестьдесят девять лет! Этот факт всегда радовал Владимира – есть еще время для раздумий и разбега...

О Шарле же всерьез заговорили, когда ему было меньше тридцати. Свой первый дом он построил в семнадцать. И с тех пор беспрестанно трудился, претерпевая всевозможные зложключения, трудности, провалы, иногда добиваясь успеха. Этим он и был интересен – все время шел вперед, не оглядываясь на неудачи, которые в конце концов становились его победами.

Неудачи... Одну из них он потерпел в 1925 году. Это случилось на парижской выставке L'Exposition Internationale des Arts Décoratifs et Industriels Modernes.

Тогда туда приехал один русский архитектор и сделал павильон, который произвел на всех огушительное впечатление. Что-то непередаваемое. Четко высказанная новая ар-

хитектурная идея. Как все гениальное – это было абсолютно просто. Практически обычный стеклянный куб с диагональным ходом наверх. Павильон-то ведь небольшой, а такая диагональная лестница давала ощущение безграничности, непознаваемости с первого взгляда, делала простой интерьер сложным, многоплановым.

Русского звали Константин Мельников. Его павильон, по признанию прессы, стал гвоздем выставки и прямо-таки ошеломил Запад. Все думали, что после революции и Гражданской войны русским не до искусства, – а они оказались на голову впереди остальных.

Корбю, конечно, такого не ожидал. Он задумал свой павильон «Эспри нуво» как ударный. В целом выставка была традиционной – и Корбю думал эпатировать всех. Казалось, был готов беспроеигрышный, говоря современным языком, пиар-ход – а тут пожалуйста! Советский павильон оказался и смелее, и новее. Именно он был в центре внимания.

Правда, Шарль повел себя мужественно, никоим образом не показав, что чувствует себя побежденным. Напротив, он организовал великолепный пикник для своих коллег, сказал, что вовсе не возражает, если будут приглашены участники выставки, о которых пишут все газеты, – русские.

Мельников искренне обрадовался приглашению. Ему было приятно ощущать особый к себе интерес, говоривший о широком признании его таланта.

На пикнике он был в центре внимания, с удовольствием,

обстоятельно отвечал на расспросы о поисках и тенденциях новой архитектуры, о том, что делается в Союзе. Однако, узнав, что в числе собравшихся есть и Корбюзье, которого до этого он не знал в лицо, Мельников почему-то расстроился и замкнулся. Было заметно, что он очень сожалеет о своей излишней откровенности.

Он почти холодно приветствовал Шарля, коротко назвав свое имя – Константин, безуспешно пытаясь скрыть свою досаду.

Они сразу узнали друг друга – два вожака из разных стай, преследующие одну цель. В какой-то момент они оказались в одной берлоге, где им сразу стало тесно, и это ощущение друг от друга осталось на всю жизнь. Они были одноименно заряжены, а такие заряды по законам физики отталкиваются друг от друга. Внешне Корбю и Мельников были совершенно не похожи, но на первый взгляд казалось, что они рождены от одних родителей. Высокого роста, с хорошей осанкой и спортивными фигурами, оба они обладали особой грацией раскованных, самодостаточных, уверенных в себе людей с хорошими манерами. Оба были импозантны, харизматичны, явно имели успех у женщин и, кажется, даже одевались у одного портного, в стиле элегантно-небрежности. К тому же и тот и другой, благодаря веселому нраву, остроумию и счастливой способности относиться с легкой иронией не только к окружающему миру, но и к своим достоинствам, всегда оказывались в центре внимания любой компании.

И тем не менее при всем кажущемся сходстве эти люди были с разных планет. Корбю – стремительный и неистовый лидер, с орлиным носом и волевым подбородком. Знающий, куда он идет, выбирающий, а зачастую и прокладывающий совершенно новые пути к конечной цели. Мельников же, в котором все было правильно – от черт лица до мыслей и поступков, был гением, загнанным в общую колею, ведущую в неизвестность, но сбиться с нее было опасно для жизни.

Может быть, поэтому так по-разному горел огонь в их глазах. У Корбю они пламенели азартом жизни, а у Мельникова – огнем обреченного таланта.

Много позже, вспоминая подробности их первой встречи, Корбю прежде всего отмечал досаду и настороженность Мельникова, мысленно удивляясь странности этих русских. Возмущаются очевидным, не хотят считаться с чужими законами, в том числе и с законами рекламы, презирают их, а потом ненавидят тех, кто неизбежно завоевывает признание, соблюдая правила рынка. Да, Мельников тогда выиграл, но память об этой победе постепенно стерлась. О нем забыли даже в России.

А Корбю стал по-настоящему знаменит. К шестидесятым годам вдруг возник интерес к стилю ар-деко. Наперебой вспоминали павильон «Эспри нуво», построенный Корбюзье, а о Мельникове – ни слова. Эта выставка осталась в истории событием, которое продемонстрировало последние достижения в области архитектуры, проектирования интерьеров.

ра, мебели, изделий из металла, стекла, керамики и послужило толчком к стремительному развитию стиля ар-деко. Только Мельников теперь был ни при чем.

Новый дух нового стиля естественно предвидел и предсказал знаменитый французский архитектор Ле Корбюзье. Ведь это он спроектировал, построил и, что немаловажно, назвал свой павильон «Эспри нуво». Вдохновленный духом Корбюзье, не менее знаменитый художник Лалик соорудил фонтан из цветного стекла со световыми эффектами и «Стеклянный интерьер» павильона Севрской фарфоровой мануфактуры, что и породило новый стиль. А русских на той выставке вроде как и не было.

Советские архитекторы были исключены из международного архитектурного процесса – и это при их более остром, чем у кого бы то ни было, ощущении актуальных направлений и тенденций! С годами эта изоляция стала вызывать в Корбю чувство сожаления и горечи. Силу сталинской эпохи, стирающую в пыль все на своем пути, Корбюзье познал на себе. Он увидел, что талант при Советах обречен на гонения и что от личных качеств там ничего не зависит. Этих качеств советским архитекторам хватало только на то, чтобы дышать тем же воздухом поиска, что и весь остальной мир. Другое дело, что никто в этом мире не знал и не хотел знать о них.

Приглашение иностранцев и участие в международных конкурсах и проектах уже и в двадцатых годах были в Советском Союзе достаточно редким явлением, а потом и во-

все прекратились. Но тогда, в 1925 году, после знакомства с Мельниковым, Корбюзье мечтал побывать в России. И его мечта сбылась – причем самым невероятным и неожиданным образом.

Чай с... Корбюзье

Лифт остановился на четвертом этаже. Возле двери Владимира уже встречала Ангелина Ивановна.

– Добрый день. Вы пунктуальны. Это приятно. У нас здесь легко заблудиться. Весь дом можно пройти из конца в конец, не выходя на улицу. Столько закоулков... Вот я и решила вас встретить.

– Добрый. Очень любезно с вашей стороны, но не стоило беспокоиться. Я хорошо ориентируюсь в старых домах.

– Не сомневаюсь, вы же профессионал. Если честно, я очень волновалась и от нетерпения вышла встречать. Я так давно ждала этого момента!

Шапошников с некоторым удивлением взглянул на Ангелину Ивановну. Они повернули в продольный проход. Огромная дубовая дверь в квартиру была приоткрыта.

– Проходите, располагайтесь. Чай, кофе?

Ангелина Ивановна действительно почему-то волновалась.

– Чай, если можно.

Володя тоже чувствовал себя как-то не совсем уверенно. Обычно переговоры с новыми заказчиками у него проходили в более официальной обстановке, без эмоций, по-деловому. А здесь, видимо, все будет обстоятельно, с долгим подходом к практической стороне дела.

Как бы в подтверждение его мыслей Ангелина Ивановна сказала:

– Пока мы с вами поговорим, а наш банкир – он уже практически член семьи, через два месяца у них с дочерью свадьба – подъедет чуть позже. Он хочет с вами познакомиться, и, как только мы решим, что именно вы будете строить наш дом, он будет готов обсудить с вами все бюджетные вопросы.

– Понятно, – обреченно сказал Володя. – Я так понимаю, у вас есть какие-то очень убедительные доводы к тому, чтобы я отложил все проекты и взялся за ваш заказ?

– Именно так.

– Ну что ж. Я весь внимание.

– Начну издалека. С истории нашей семьи.

«Как все не просто. Обычно мои заказчики дальше дедушек и бабушек своих корней не знают, – улыбнулся про себя Шапошников. – А тут вон как – „история“! Меняется, однако, социальный статус миллионеров...»

Впрочем, то, что он услышал дальше, его по-настоящему заинтересовало. Более того – впечатлило, заинтриговало и удивило.

– Вся история нашей семьи, – продолжала Ангелина Ивановна, – связана с этим домом. Его ведь построил двоюродный брат нашего прадеда, Сергей Владимирович Проскурин. Страховое общество «Россия» заказало проект доходного дома именно ему. Когда дом был готов, наша семья переселилась сюда из Замоскворечья. Но не в эту квартиру, а

в другом крыле дома, в значительно большую, чем эта. Потом случилась революция. Вообще-то большевики с большим уважением относились к известным специалистам, их не уплотняли. Но на всю семью это не распространялось. В нашу квартиру заселили еще одиннадцать семей, а нам оставили одну комнату. Моя бабушка была поздним ребенком, разница со старшими братьями-погодками у нее была в двадцать лет. Оба брата пошли по военной линии, служили в царской армии. Брат Иван погиб в Первую мировую войну, Федор в Гражданскую. Да если бы и не погибли, их все равно потом бы расстреляли. Федор был белогвардейским офицером, дворянином... Теперь вот модно вспоминать о своем дворянском происхождении. Даже Дворянское собрание есть, которое княжеские титулы раздает неизвестно кому, дворянские традиции возрождают. Все это пустой звук, когда понятия чести и достоинства у нас не востребованы. Давно уничтожили всех, кто олицетворял собой честь и достоинство. А признаком аристократизма теперь стали деньги. Но это невозможно, аристократизм не купишь, он не продается.

Я прочла в военном архиве много интересного, когда стала заниматься историей нашей семьи. Меня поразили случаи с одним молодым офицером, недавним выпускником военного училища. Он прибыл в распоряжение армии командовать ротой. Шли бои, они выполняли свои боевые задачи, а денежное довольствие не поступало. Нет, его никто не украл,

как это бывает в наше время, просто армия наступала так стремительно, что тылы отставали. Молодой офицер пришел в отчаяние и... застрелился. То, что солдаты не получили денежного довольствия, он счел своим бесчестьем.

Теперь такой поступок даже непонятен, его надо долго объяснять современному человеку. Вон «Трансвааль-парк» обрушился, сколько народу погибло... Думаю, человеку, который проектировал это здание, то есть по чьей вине произошла такая трагедия, и в голову не пришло стреляться. Не представляю, как он с этим живет?

Изменились, конечно, люди... Вот еще, в одном письме домой молодой офицер рассказывал об участии в своем первом бою. Противник открыл огонь шрапнелью – самый страшный огонь для пехоты. Он пишет, что упал на землю и вдруг слышит голос батальонного командира: «Офицер, встаньте, на вас солдаты смотрят!» Он встал и видит, что весь полк лежит, а офицеры стоят. Под шрапнелью. Недостойно проявлять свой страх перед врагом.

Тут Ангелина Ивановна спохватилась. Виновато посмотрев на Шапошникова, проговорила:

– Извините, я увлеклась. Совсем ведь не о том хотела говорить, а сбиваюсь, время ваше отнимаю. Но вы так хорошо слушаете... Знаете, это редкий талант.

– Ангелина Ивановна, я слушаю вас с большим интересом, и время у меня есть. Не переживайте, – искренне сказал Владимир.

Его вообще отличало удивительное качество – он не надувался, как рыба-шар, не выставлял напоказ свою бесконечную занятость. Не торопился, не кричал, что у него завал работы (а ее было более чем достаточно), что все его рвут на части, но всегда выполнял свои обещания в срок, не откладывая до бесконечности встречи с заказчиками. Понты не стали стилем поведения Шапошникова. Окружающие порой пытались злоупотреблять его терпением и спокойствием, но Владимира это не пугало, он всегда умел поставить на место любого человека.

Однако здесь был совсем другой случай. Конечно, собеседница говорила много, но слушать ее Шапошникову и в самом деле было интересно. К тому же он интуитивно чувствовал, что по какой-то причине ей сложно сразу подойти к главной теме.

Но вообще странно – почему ему, совершенно постороннему человеку, она вдруг решила рассказать историю своей семьи?

Между тем, ободренная своим визави, Ангелина Ивановна продолжала:

– В общем, была когда-то счастливая, большая, дружная семья, а осталась одна моя бабушка – Ольга Проскурина. Ей было восемнадцать лет, когда она похоронила свою маму. Отец умер еще до революции. Бабушку спасли связи его двоюродного брата-архитектора. Кто-то из его учеников устроил ее копировальщицей в мастерскую знаменитых братьев

Весниных. Старых специалистов почти сразу начали привлекать к строительству новой жизни. Так что их мастерская была одной из первых, народу работало много, и в общей массе девочке, братья которой служили в царской армии, был шанс затеряться. Если бы не эта удача, не знаю, что бы с ней стало. Веснины очень рисковали, взяв ее на работу, но они не могли поступить иначе – из уважения к ее семье, к дяде. В них была жива отличительная черта русской интеллигенции – они были способны к сопереживанию. Не к сочувствию, которое по сути своей есть удовлетворенная зависть, нет, тут другое. Это именно способность взять на себя часть тяжелой ноши ближнего, пережить вместе с ним трудное время, нести ответственность за него, несмотря на то что это может причинить личные неудобства.

Происхождение бабушки при оформлении скрыли, дескать, сирота, ничего не помнит, и взяли на работу копировальщицей. Это дело она мгновенно освоила, поскольку всегда прекрасно рисовала. После всех тягот и потерь началась светлая полоса.

И вот именно тогда в ее жизни произошла встреча, которая определила весь дальнейший ход событий. Это было здесь, возле дома. Солнечным весенним днем, по дороге на работу в мастерскую, она встретила необыкновенного человека. Он стоял на бульваре, в солнечных лучах, спокойный и в то же время весь такой, знаете, словно опережающий самого себя, как сжатая пружина. Он явился к ней целым ми-

ром – с неординарным настоящим и ярким будущим. Тогда, в двадцатых годах, на московских улицах не часто можно было встретить иностранца. Впрочем, такого иностранца и в наши дни не каждый день встретишь. И дело не в том, что он был иначе одет, то есть потрясающе элегантно, – он был не похож ни на кого. Впрочем, когда считаешь, что человек не похож ни на кого и вообще лучше всех, это просто первый признак влюбленности.

Вот так судьбе было угодно подготовить знакомство моей бабушки с Шарлем Эдуаром Жаннере. Он уже тогда был известным архитектором, взяв фамилию предков своей матери Ле Корбюзье.

Услышав это имя, Шапошников просто замер от изумления.

– Корбюзье? Он имеет отношение к вашей семье?

– Да. Я же не просто так вам все это рассказываю!

Мастерская Весниных

Товарища Игнатова с самого начала коробило поведение этого знаменитого архитектора из Парижа. Останавливается где хочет, все чего-то ходит, смотрит... То к одному архитектору ему надо, то к другому. И зачем ему целая неделя в Москве? Посмотрел Кремль, проехался по центру – и до свидания, а еще лучше – прощайте.

Конечно, надо отдать этому французу должное. Для человека такой буржуазной холёности взгляды у него нормальные, революционные. Только и говорит что о социальных переменах, разве что «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног» не поет...

Действительно, во Франции антибуржуазные взгляды Корбюзье популярностью не пользовались, и там он со своими идеями общественных новаций был одинок. Зато в России, где социальные утопии стали основой нового строя, Шарль Эдуар чувствовал себя как рыба в воде.

Он искренне верил в идею равенства богатых и бедных, считал, что в современной архитектуре нельзя провести в жизнь что-то новое, не руководствуясь при этом социальной программой. Он был великим мечтателем и хотел, чтобы все были счастливы. Он восхищался домами-коммунами, Дворцами культуры для рабочих. Так же как и те, кто их возводил, Корбюзье тогда чувствовал себя действительно в центре

мира. Они вместе строили новое общество, они создавали новую культуру и новый авангард.

Ставилась цель, увы, не достигнутая до сих пор, – обеспечить всех достойным жильем. Благороднейшая задача для архитекторов – отсюда и энтузиазм!

Утром того дня, когда Корбю с товарищем Игнатовым прибыли в мастерскую Весниных, и началась ознакомительная поездка известного французского архитектора по Москве. Первоначально планировалась только одна встреча с коллегами-архитекторами – он на сцене, они в зале. Что-то вроде общего собрания, в стиле пресс-конференции. И конечно, никаких поездок по мастерским. Все должно было происходить под строгим присмотром.

Однако Корбю заявил, что хочет своими глазами увидеть то, чем восхищался его соотечественник маркиз де Кюстин, которому Москва показалась эскадрой среди земной тверди. Маркиз жил в гостинице на Большой Дмитровке и описал в своих воспоминаниях весь маршрут по городу «сорока сороков»: «Огромное множество церковных глав, острых, как иглы, шпилей и причудливых башенок горело на солнце над облаками дорожной пыли... Каждая глава увенчана крестом самой тонкой филигранной работы, а кресты, то позолоченные, то посеребренные, соединены такими же цепями друг с другом. Постарайтесь вообразить себе эту картину, которую нельзя даже передать красками, а не то что нашим бедным языком! Игра света, отраженного этим воздушным го-

родом, настоящая фантазмагория среди бела дня, которая делает Москву единственным городом, не имеющим подобного себе нигде в Европе».

Корбю радостно сообщил встретившим его товарищам из ГПУ о ярких впечатлениях маркиза, изъявив желание увидеть все это своими глазами.

– В мировой архитектуре на протяжении веков мы наблюдали лишь постепенные изменения структуры и декора, но наступает век стекла и бетона, он даст возможность продемонстрировать великое могущество конструкции. Это переворот в самом кодексе архитектуры. В Москве можно будет увидеть этот эволюционный процесс в полном объеме. От куполов до железных конструкций, – возбужденно говорил Корбюзье, не обращая внимания на смущение своих невольных слушателей.

Планы архитектора, мягко говоря, не обрадовали товарищей. К тому времени в Москве никаких «сорока сороков» уже не было – большинство церквей были либо снесены, либо постепенно разрушались. Здесь ждали авангардиста и атеиста, ругающего «затхлую религиозность мелких буржуа», а он, оказывается, хотел строить новое, не разрушая старого... В общем, сложилась весьма скользкая ситуация.

Поэтому, когда Корбю сказал, что в принципе его еще больше интересуют современные тенденции развития советской архитектуры и что он хочет лично пообщаться с ведущими зодчими в их мастерских, товарищи из ГПУ облегчен-

но вздохнули и со спокойной душой предоставили ему такую возможность. О чем позднее горько пожалели.

В мастерской Весниных Корбю встретили радушно. Он был этим приятно удивлен, вспоминая напряженность, которая сразу же возникла у него в отношениях с Мельниковым. Здесь же ничего подобного не случилось.

Они оказались абсолютными единомышленниками. Братя Леонид, Виктор и Александр были приверженцами конструктивизма, их взгляды полностью совпадали с профессиональным кредо Корбюзье, который уделял особое внимание функциональности сооружений, новым инженерным конструкциям и материалам. Его сразу стали расспрашивать о том, над чем он сейчас работает, рассказывали о своих планах, о строительстве Днепрогэса, которое шло полным ходом под руководством их мастерской.

Веснины говорили по-французски. В какой-то момент Виктор Александрович заметил напряженный взгляд товарища Игнатова, который не ожидал столь оживленной беседы, и сказал:

– То, о чем мы говорим, интересно послушать всем. Надо переводить. Это ведь по-настоящему историческая встреча. Кто у нас еще знает французский?

В другой момент Оля Проскурина вряд ли призналась бы, что знает язык. Но сегодня уже с утра происходили какие-то чудеса. Тот самый удивительный «не наш» человек опять встретился на ее пути. Как только он вошел, их глаза мгно-

венно нашли друг друга. И Оля поняла, что должна подойти к нему, и теперь у нее есть серьезный повод – она будет переводить.

Товарищ Игнатов был вполне удовлетворен решением Виктора Веснина. И разумеется, отметил про себя неожиданную помощницу. Мало ли что и как повернется! О ней надо знать все.

Веснины опять стали рассказывать о Днепрогэсе, о конкурсе на лучший проект Дворца Советов на месте храма Христа Спасителя, о новом проекте здания Центросоюза на Мясницкой. Леонид Александрович даже предложил Корбюзе поработать вместе над общим проектом. Или, если у французского архитектора появится такое желание, он сам мог бы сделать какой-то проект для Москвы...

Мельком взглянув на непроницаемое лицо товарища Игнатова, Веснин осекся, но... идея была уже высказана и стала бурно обсуждаться.

Корбю, совершенно преобразившийся и какой-то помолодевший, все рассказывал только переводчице Оле. Той самой Оле – из его прекрасного утреннего видения!

«Так не бывает. Видимо, какие-то высшие силы хотят, чтобы мы все же познакомились и я не потерял ее из виду», – пронеслось в его голове.

Ольга вела себя с достоинством и внешне была абсолютно спокойна. Ей даже удалось скрыть, что внимание маэстро ей небезразлично – во всяком случае, от пристального взгляда

товарища Игнатова.

Впрочем, в тот момент товарища больше волновала тема проекта Дома Центросоюза.

Братья Веснины тут же решили, что откажутся от этого проекта в пользу Корбюзье. Вольно или невольно, они не смогли скрыть того, что советским архитекторам тесно в замкнутом пространстве страны, что им остро необходимо участвовать в международном процессе развития архитектуры. Веснины считали, что присутствие Корбюзье в Москве, его работа здесь во многом компенсируют такую изолированность.

Это был очень серьезный поступок с их стороны. Братья были людьми особого толка, они привыкли нести ответственность за все в своей жизни: за молодую девушку, оставшуюся сиротой, и за связь со временем и миром. Как могли, они спасали то, что было им дорого.

Для себя Корбю все уже решил. Он остается в Москве. Он во что бы то ни стало примет участие в конкурсе проектов Дворца Советов и предложит свои услуги по проектированию Дома Центросоюза. Он чувствует здесь вдохновение, прилив сил, энтузиазм! Здесь сама атмосфера благоприятствует рождению новых идей. А главное, здесь он встретил ЕЕ.

Корбю никогда не был женат. Ему даже в голову не приходило, что может случиться то, что случилось. Он совершенно не ожидал, что может влюбиться. Но именно это и про-

изошло с великим архитектором...

Знакомство с банкиром

– Спасибо Весниным. Благодаря им Корбюзье смог начать работу в Москве, хоть и не довел ее до конца. Дом Центросоюза, где сейчас располагается Статуправление, достраивали по его проекту, но уже без его участия. Говорили, что, работая с русскими, он почерпнул у них много ценных идей и разнес их по миру. Именно за это его не очень любят некоторые маститые архитекторы старшего поколения, но... ладно. Гораздо хуже то, что его идеи у нас довольно бестолково растиражированы по всей стране...

Только сейчас голос Ангелины Ивановны вернул Владимира к реальности. Он так ярко представил себе картину знакомства Корбюзье с ее бабушкой, будто присутствовал в мастерской...

Спохватившись, Шапошников поспешил поддержать последнюю сентенцию хозяйки дома:

– Да, согласен. То, что он делал сам, было гениально, но адепты переборщили.

– Вот именно. Очень правильное определение. В результате для многих он стал создателем бесконечных бетонных сооружений – общежитий, заводов и санаториев – с ленточными окнами. Монстром, придумавшим высоту потолка в два сорок.

– Мне, кстати, всегда казалось очень досадным это обви-

нение в его адрес, – заметил Владимир. – Опять же – адаптация! Ведь Корбюзье был неисправимым идеалистом. Ему казалось, что он нашел способ за счет уменьшения высоты увеличить количество помещений. Его два сорока в высоту плохо сочетались с девятью обязательными метрами пространства на человека, по советским жилищным нормам.

– Владимир Николаевич, я вас обожаю. Конечно, это его главный тезис – у каждого человека должно быть свое личное пространство, отдельная комната, где он может заниматься чем хочет – хоть зарядкой, хоть творчеством. Главное – человек должен иметь возможность побыть один.

– Как говорила бабушка одной моей заказчицы: «Коммуналка – это академия подлости». Оттуда пошли резкость и категоричность суждений, обязательные поиски крайнего!

– Он хотел всех сделать счастливыми. Это утопия, – привычно вздохнула Ангелина Ивановна и продолжила: – Корбюзье стал часто и подолгу бывать в Москве. Постепенно они с бабушкой очень сблизились, но отношения скрывались от всех, хотя, конечно, многие о них догадывались.

– Постойте, так вы внучка Корбюзье? – наконец сообразил Владимир.

– Да. Сейчас можно сказать, что к счастью – да... Было ли это счастьем для бабушки – не знаю. Поначалу – конечно. Но потом... Но все по порядку. Моя тема – история архитектуры Москвы. Я писала по ней диплом, потом диссертацию, уже более конкретно связанную с Корбюзье. Была идея стро-

ительства Москвы как социалистической столицы. Купеческая, наполовину деревянная, она представлялась тогда символом отсталости, символом царской России. Нужно было какое-то крупное сооружение, способное затмить прошлое. Дворец Советов, к примеру, замысливался таким огромным, что храм Христа Спасителя был бы ему «по колено». Симоннов монастырь взорвали. Это был политический акт: мол, на месте рассадника мракобесия построим очаг социалистической культуры! Здание Рабочего дворца сооружено на монастырском подворье по проекту братьев Весниных; оно вошло во все советские архитектурные учебники. Чудом уцелела Красная площадь: на месте ГУМа, например, должно было возникнуть здание Наркомтяжпрома – министерства, отвечающего за индустриализацию страны.

Корбюзье же предложил совсем другую концепцию новой Москвы: оставить старый город и строить рядом новую столицу, а историческую часть сделать музеем. Но наши вожди эту идею с негодованием отвергли. Было заявлено, что Корбюзье мыслит «не по-нашему». У нас есть Кремль, и от него должно все расти, развиваться. Стали строить новый дом Совнаркома, второй дом Совнаркома – печально известные «дома на набережной»... Объявили конкурс на проект Дворца труда, которому надлежало занять весь Охотный Ряд, в результате построили на этом месте гостиницу «Москва», которую теперь доблестно снесли. У нас вечно все так – «до основания мы разрушим, а затем...».

– Был против, а в конкурсе на проект Дворца Советов на месте храма Христа Спасителя участвовал.

– Так храм к тому времени давно снесли...

– Да и в конце концов, кроме бассейна, ничего не построили.

– Да как построишь? Там ведь все проваливалось, Дворец Советов построить пытались, но не смогли. Даже бассейн все время ремонтировали, там что-то все время рушилось. А восстановили храм – и все нормально, никаких проблем при строительстве не было. Вот пример того, что нельзя все разрушать до основания, потом все равно придется восстанавливать, а на это уходят годы.

– Так что же было потом?

Ангелина Ивановна не успела ответить на вопрос Шапошникова. Зазвонил домофон.

– О, это Аня с Андрюшей пришли. Сейчас я вас с ними познакомлю, – радостно сказала хозяйка дома. – Наконец-то. Аня поехала за едой для Феди.

На звонок в комнату вышел огромный заспанный кот. Он оценивающе посмотрел на Владимира, чинно проследовал к входной двери и уселся там в ожидании своих.

– Удивительно. Сколько людей живут в доме, а он всегда знает, когда кто-то из нас заходит в подъезд. Это наш Фердинанд. Красавец, правда?

Вопрос был риторическим и подразумевал только утвердительный ответ. Видимо, Фердинанд в доме был не на по-

следних ролях.

«Обычно мои заказчики котов в квартирах не держат, — подумал Шапошников. — Опасаются за мебель и обои. Но этот котяра воспитанный, наверное. Вроде бы никаких повреждений в квартире нет. Видимо, потому и любимец».

Где-то вдалеке заурчал лифт, и вскоре под приветственное мявканье Фердинанда в квартиру вошла Аня.

Володя сидел прямо напротив входной двери. Хорошо, что сидел. На несколько мгновений он впал в столбняк — это была ТА самая девушка, которую, как считал Шапошников, он больше никогда не увидит.

Следом за Аней вошел тот самый парень, который подъехал к дому на машине.

«Так вот кому достаются лучшие из лучших. Банкирам. Что ж, вполне логично», — с грустью подумал Володя.

— Мы тут вас ждали, — запричитала Ангелина Ивановна. — Особенно Федя. Вот познакомьтесь, пожалуйста, Владимир Николаевич, очень известный архитектор, ну, вы это знаете, а это моя дочь Аня и ее жених Андрей Сергеевич Павлов.

Аня впервые посмотрела на гостя. Их глаза встретились, и Володя понял, что же именно так привлекает в этой девушке. Глаза, конечно глаза. Они же светятся... Девушка протянула руку. А Владимир неожиданно для самого себя, и не вполне оправдано для делового знакомства, вместо того чтобы пожать эту руку, склонился над ней для поцелуя.

Едва прикоснувшись к кончикам ее пальцев, он почувствовал, что его как будто слегка ударило током. Почудилось даже, что искра промелькнула и что ее не могли не заметить окружающие.

Во всяком случае, Андрей Сергеевич определенно был недоволен внезапно наэлектризовавшейся атмосферой и очень сухо приветствовал Владимира, боковым зрением отмечая повышенный интерес своей невесты к этому, видите ли, известному архитектору. Да она с него глаз не сводит!

Нет, он не из тех, кто потерпит соперника. Ну ничего, он с ним разберется, но сделает это тонко. Никаких грубых выпадов и унижений противника, лишь ненавязчивая демонстрация своих явных преимуществ.

– Действительно, мы о вас много наслышаны. Приятно, что вы смогли к нам приехать – это при вашей-то востребованности! Кажется, вы нашли с Ангелиной Ивановной общий язык? – любезно поинтересовался жених.

– Надеюсь.

– Это главное. Ангелина Ивановна порой необычайно требовательна в оценке людей...

– Ну, не надо делать из меня монстра, Андрей. Если вы имеете в виду вашу протезу с Рублевки, то ведь она только декоратор, а нам нужен человек универсальный. С нуля и под ключ. Архитектор и дизайнер в одном лице. К тому же она большая поклонница поп-арта, чего не могу сказать о себе.

Аня взяла на руки проходившего мимо сытого и довольного Фердинанда и водрузила к себе на колени, поставив на задние лапы. Вид у кота был очень важный. Аня подняла вверх его переднюю лапу, как будто он просит слова.

– Мы все не любим поп-арт, – облизываясь, серьезно сообщил Фердинанд голосом Ани. – Хотя понятно, почему в начале девяностых у нас вновь к нему возник интерес. У нас сложилась та же ситуация, что и в Америке после Второй мировой войны. Тогда там сформировался слой состоятельных людей, которые могли себе позволить приобретать товары не столько необходимые, сколько знаковые, указывающие на принадлежность их владельцев к тому или иному социальному слою. Именно так и формируется массовая культура, поп-искусство. Оно ведь непременно использует стереотипы и символы при отсутствии личностного начала.

– Ну и что это за искусство – без личностного начала, без души? – подхватила Ангелина Ивановна. – Нам такое искусство неинтересно, хоть мы и переживаем время царствования стереотипов. Опять революция, опять до основания все разрушили, опять вернулись к банальной установке – быть не хуже других, быть как все.

– Я этого не хочу, – продолжал невозмутимый Фердинанд. – На самом деле только с развитием, благодаря эволюции, появляется желание не сливаться с толпой. А мы, консерваторы, все эволюционные стадии развития давно преодолели, и стереотипы нам неинтересны.

Подчиняясь Аниным рукам, Федя послушно жестикулировал лапами, мотал головой и в заключение раскланялся под аплодисменты хохочущих гостей.

– Фердинанд – наш единомышленник, ярый противник революций, сторонник эволюционного развития, неразрывности времен, – пояснила Ангелина Ивановна. – Уважая любые эксперименты в современном искусстве, он все-таки отдает предпочтение традиционным направлениям.

– Да, с таким котом и такой семьей и в лекторий ходить не надо, – подчеркнуто оживленно констатировал Павлов. – Я, знаете, много раз был в Италии, ну Италия, ну да, красиво, но когда поехал с Аней, она всюду меня водила, столько рассказала интересных историй – как и кто строил, когда что написано. Я был потрясен.

– Я тоже была потрясена, когда своими глазами увидела то, о чем читала, что знала только по репродукциям. Живое настоящее – это, конечно, неповторимо, это надо видеть. Я была там просто счастлива.

– Рад это слышать.

Павлов победоносно посмотрел на Шапошникова. Такие временные знакомцы, интересные своей известностью, приходят и уходят. А верный Андрей будет всегда. Да, именно он дал ей возможность почувствовать себя счастливой. И вообще, именно он – тот человек, который может составить ее настоящее счастье.

– Аня у нас художник, заканчивает Строгановку, – с гор-

достью сказала Ангелина Ивановна, – ее вкусу тоже нелегко угодить.

– Если мы найдем общий язык и достигнем взаимопонимания, то об угождении говорить не придется, – улыбнулся Владимир.

– Вопрос взаимопонимания – это вторая часть нашего Марлезонского балета, а сейчас всех приглашаю поужинать, – торжественно сообщила Ангелина Ивановна.

Андрей Сергеевич неожиданно заторопился:

– Девочки, у меня важная деловая встреча. Я отлучусь максимум на час. Вы тут без меня поужинайте. Все подробно расскажите нашему гостю, все покажите. Как решите – так и будет. Я всегда солидарен с вашим выбором. Что касается финансовых вопросов, – с любезной деловитостью обратился он к Шапошникову, – готов обсудить любую смету. Главное, чтобы это устраивало женскую половину. Возможно, когда я вернусь, вы еще будете здесь, тогда мы этот вопрос сразу обсудим.

Они пожали друг другу руки. Когда Андрей удалился, Шапошников вдруг отметил, что сидит здесь уже не менее двух часов, а уходить совсем не хочется. Ему были интересны и приятны и эти женщины, и эта атмосфера, такая домашняя, немного старомодная, но тем не менее очень непринужденная. Кажется, права была Ангелина Ивановна – не исключено, что вне всякой очереди он возьмется построить дом, который они хотят. Только вот – зачем? Ну зачем Аня

встретила этого своего жениха? Через два месяца замуж...
Но ведь она...

1933 год

Та встреча в мастерской Весниных изменила планы Шарля Эдуара. За эту неделю он должен получить заказ на проект, от которого в его пользу отказались братья. Видимо, он был настолько уверен, что получить такой заказ – обычное дело, что так все и сложилось.

Конечно, советское руководство было поставлено в тупик. Проект Корбюзье был им совершенно не нужен, но отказаться от предложения известного архитектора было трудно, и никто не хотел брать на себя такую ответственность. Что и говорить, братья Веснины просто подставили Совнарком и вынудили разрешить Корбюзье работать в Москве.

Конечно, он уезжал, приезжал, много работал, писал статьи. Именно тогда и сформулировал свои знаменитые «Пять принципов современной архитектуры» (здание на свободно стоящих опорах, свободная композиция фасада, ленточные окна, плоская крыша с террасой-садом, свободная внутренняя планировка).

В эти годы, руководствуясь своими пятью принципами, он построил знаменитую виллу «Савой» в Пуасси близ Парижа, общежития швейцарских студентов в парижском университетском городке, теперь же готовился к конкурсу на лучший проект Дворца Советов и при любом удобном случае старался приехать в Москву – контролировать строительство Дома

Центросоюза.

Советские власти всякий раз долго тянули с оформлением визы, но все же давали разрешение. И он вновь приезжал в Москву.

Оля бесконечно ждала его возвращения. Нет, она не встречала его на вокзале, они не проводили вместе целые дни – не такое было время. Корбю не понимал, в чем состоят грехи Оли перед Советами, но чувствовал, что лучше их отношения не афишировать. К тому же он уже давно понял, что ему самому здесь, в России, не очень доверяют и все время контролируют. Он практически не видел тут зарубежных специалистов – на иностранцев в этой стране вообще смотрели как на шпионов.

Корбю очень надеялся, что в шпионаже и в контрреволюционном заговоре его самого заподозрить невозможно – ведь он всегда поддерживал революцию и все социалистические преобразования...

Однажды спокойным летним вечером они гуляли на Чистых прудах. Одни. Без товарища Игнатова. В последнее время он все чаще оставлял их без присмотра, и это казалось добрым знаком. Ведь, конечно, как бы влюбленные ни скрывались, многие догадывались об их отношениях, а уж товарищ Игнатов в первую очередь. И вдруг – такая лояльность.

Накануне приезда Корбю он даже зашел к ней домой поинтересоваться, как она живет, не нуждается ли в чем. Сообщил, что Шарль приезжает рано утром, даже спросил, не

обижают ли соседи. Ну прямо отец родной. Оля была совершенно счастлива. Ну действительно, не звери же там, на Лубянке, они же понимают, что любовь не выбирает по национальному признаку и по месту прописки.

Возможно, все наладится и они даже будут вместе. Корбю рассказывал ей о вилле, которую построил, и о том, сколько восторженных отзывов он получил. Всех особенно потрясал сад на крыше.

Вдруг Шарль остановился и, глядя ей в глаза, спросил, готова ли она уехать с ним в Париж? Он мечтает построить дом, в котором они будут жить вместе. Это будет дом, в котором поселится счастье, потому что его построит влюбленный архитектор.

Конечно, она ответила «да», и еще раз «да». Счастливые, они обсуждали, какие цветы посадят в своем саду и как назовут детей – конечно, русскими именами! А еще он говорил, что она всегда сможет приехать в Москву, ведь он предложил план реконструкции города, к которому власти отнеслись с огромным интересом.

После всех тягот, потерь, гонений – наконец-то! Оля больше не чувствовала себя одинокой: есть человек, который готов защитить ее, увезти, построить дом и жизнь с ней.

Вдруг пошел дождь, они побежали по лужам, подставляя лицо теплым струям. Промокнув до нитки, тихонько, чтобы не заметили соседи, пробрались в ее комнату. Они знали, что созданы друг для друга, а главное, верили, что впереди их

ждет много радостных и прекрасных событий.

Рано утром за Шарлем заехал товарищ Игнатов. Он даже извинился за раннее вторжение, ободряюще подмигнул Оле и вообще был в исключительно приподнятом расположении духа. Шарль сказал, что заедет за ней на работу, а вечером они обязательно пойдут в театр.

В мастерской Ольгу ждала оглушительная весть. Ночью арестовали Леонида Александровича Веснина – за приверженность к чуждым нам принципам конструктивизма и формализма в архитектуре, тормозящим возврат классицизма. Впрочем, ему были предъявлены и другие обвинения в порочащих связях, в первую очередь с иностранными разведками, готовящими заговор против Советской России.

Вокруг Ольги молниеносно образовался вакуум. Ее кулман обходили стороной, старались не заговаривать. Каждый, не поднимая глаз, уткнулся в свои чертежи. Днем по мастерской стал расползаться слух, что Корбюзье предложили в двадцать четыре часа покинуть Советский Союз, никак не объяснив, в чем его обвиняют. К концу дня к Оле подошел Александр Александрович Веснин и тихо сказал, что она может несколько дней не появляться на работе – пока все не выяснится. Это, конечно, какая-то ошибка, и Леонида с кем-то перепутали, а Корбю, как иностранного гражданина, вообще не могут тронуть, но пока лучше побыть дома, возможно, о ней и не вспомнят.

Сама Оля на такое чудо не надеялась. Понятно, что Алек-

сандр Александрович пытается оградить других сотрудников от общения с ней. Сейчас сразу и брата-белогвардейца вспомнят, а уж о «заговорщике» Корбюзье и говорить нечего.

Придя домой, Оля решила почему-то собрать вещи. В дорогу? Ну да, в дорогу. Тогда все собирали вещи заранее – теплые носки, смену белья. У многих чемоданчики стояли прямо у двери. Как правило, эта предусмотрительность оправдывалась.

В дверь ее комнаты тихонько постучали. Отворив ее, она увидела соседку, которая что-то прятала под пуховым платком, накинутым на плечи.

– Пригодится, – сказала она тихонько и протянула туго набитый матерчатый мешочек. На ощупь Оля поняла, что там сухари.

«То, что меня заберут, уже всем очевидно. Мне уже и сухарей насушили, пока я мечтала с Корбю о вилле», – горько подумала она и молча взяла мешочек. Говорить не могла, в горле застрял комок слез. Соседка только рукой махнула и, опустив глаза, хотела уйти в свою комнату. Но Ольга в последний момент решила остановить ее. Она понимала, что это может принести неприятности и ей, и этой доброй женщине, но другого выхода у нее не было.

На столе лежала пачка перевязанных ленточкой писем и золотой медальон старинной работы. Медальон – память о маме, письма – о Корбю. Самое ценное, что было у нее и что

хотелось сохранить, хотя бы попытку такую сделать... Все ее сборы в том и заключались, куда бы спрятать этот маленький пакетик.

В квартире, конечно, найдется множество укромных уголков, и в Олиной комнате есть всякие вытяжки, но здесь обязательно поселятся чужие люди, как только ее заберут. Начнут переставлять вещи, а может, до этого еще устроят обыск. Там ведь все знают. Наверняка знают и о письмах.

Оля жестом пригласила соседку зайти в комнату, тихо закрыла дверь и шепотом сказала:

– Клавдия Федоровна, умоляю, спрячьте эти вещи, пожалуйста. Я вернусь, даже если и не скоро, но все равно вернусь. Это единственное, что у меня есть. Память о моей жизни, связь с прошлым. Помогите! Умоляю. Вас не будут обыскивать и не заподозрят никогда ни в чем. Только вы можете мне помочь.

Соседка была женщина простая, работала сторожихой при домоуправлении и для чекистов действительно не представляла никакого интереса. Но поверит ли она такому серьезному врагу, как Оля? Братья белогвардейцы, а сама она и вовсе какая-то заграничная шпионка... Клавдия Федоровна остановилась в замешательстве. С одной стороны, ей всегда нравилась эта девушка, скромная и не озлобившаяся, несмотря на все удары судьбы. А с другой стороны, боязно все-таки...

Вдруг Оля вспомнила, что у нее есть еще одна ценная

вещь. Тоненькое золотое колечко с маленьким бриллиантом в платине. Кольцо это осталось от мамы. Оля хотела было взять его с собой, но теперь решила – лучше отдать его Клавдии Федоровне, чтобы хоть как-то отблагодарить... Да, да, конечно, надо отдать кольцо ей. Оля дрожащей от волнения рукой сняла кольцо с пальца.

– Это вам, Клавдия Федоровна. За доброту вашу, за заботу. Умоляю, сохраните эти вещи.

Оля говорила очень тихо, с такой мольбой и отчаянием, что ее волнение передалось и соседке. И та наконец решилась. Приложив к губам палец, она знаком показала Оле – иди за мной!

Они молча пошли по длинному коридору, направляясь к комнате Клавдии Федоровны. Рабочий день еще не закончился, и в квартире, кроме них, никого не было. Но всякое могло случиться, не говоря уж о том, что и у стен есть уши, а лишние слова могут принести только лишние беды.

Клавдия Федоровна жила с сыном и невесткой, оба они служили в одной из контор, во множестве расположившихся в правом крыле того же дома. Познакомились на службе и недавно поженились. Молодые работали днем, а Клавдия Федоровна из уборщиц перешла в ночные сторожа, чтобы хоть как-то разгрузить пусть и светлую, но не очень большую комнату, где поселилась и жена сына, а вскорости ожидалось и прибавление семейства.

Когда-то эта комната была детской. Оля жила в ней до се-

ми лет, пока квартиру не стали уплотнять. Тогда им с мамой дали самую маленькую комнату, раньше предназначавшуюся для прислуги.

Пробираясь по коридору, заставленному корытами и мешками, Оля уже знала, где она схоронит свои ценности. Там, в углу, есть вентиляционная решетка, которую еще ее братья, играя, отодрали от паркета, чтобы хранить какие-то детские секретки, а потом и она положила туда маленькую тетрадку – дневник, но так и не успела завести никаких сердечных тайн, чтобы доверить их бумаге... Так он, наверное, там и лежит.

Клавдия Федоровна, конечно, не знала всей этой предыстории, но и она подумала о той же расшатавшейся решетке на паркете. Они молча зашли в ее комнату. В углу стояла железная кровать, до полу застеленная покрывалом. Под кроватью лежал какой-то скarb, коньки-снегурочки, валенки, что-то еще... Наконец, дорога была расчищена, и Ольга полезла к заветному тайнику.

Но Клавдия Федоровна остановила ее и сунула ей в руку колечко:

– Там и это сохраннее будет!

Ольга замотала головой, но соседка заторопила ее:

– Скоро все начнут собираться. Тебя не должны здесь видеть. Давай прячь скорее и уходи.

Оля забралась под кровать. Решетка лежала плотно, как влитая, но легко снималась.

Ничего не изменилось. Даже так и не начатый дневник лежит. Ну, вот сейчас она и впишет в него первые страницы...

Оля затолкала пакетик с письмами в спасительный тайник. От сердца отлегло. Теперь пусть приходят, забирают. Все равно разберутся и отпустят. Обязательно отпустят.

Она же ни в чем не виновата.

Ночью за ней действительно приехали. Когда Ольгу вывели в коридор, к ней подошел товарищ Игнатов.

— Ты ключи-то оставь, чтобы новые замки не ставить. Тебе все равно комната эта не нужна уже будет, как с тобой разберутся, так ты ж, надо думать, сразу в Париж поедешь? Я правильно говорю, Проскурина? — с мерзким хохотком спросил чекист.

Не глядя в его сторону, она бросила ключи на пол и вышла за дверь.

Затянувшаяся встреча

За ужином, после долгих отступлений об особенностях дома-корабля и неудобствах обитания в квартире, выходящей окнами на запруженное машинами Бульварное кольцо, разговор вновь вернулся к семейной истории.

Когда Ангелина Ивановна рассказывала об Ольге Проскуриной, Шапошников смотрел на Анну и явственно представлял себе ее прабабушку. Видимо, тем же она покорила и Корбюзье – лучистым взглядом, какой-то особой грацией, полной спокойного достоинства. В ней нет ни заносчивости, ни самоуверенности, с ней легко и просто общаться, и в то же время она держит дистанцию, отчего становится загадочной, недостижимой и все более и более привлекательной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.